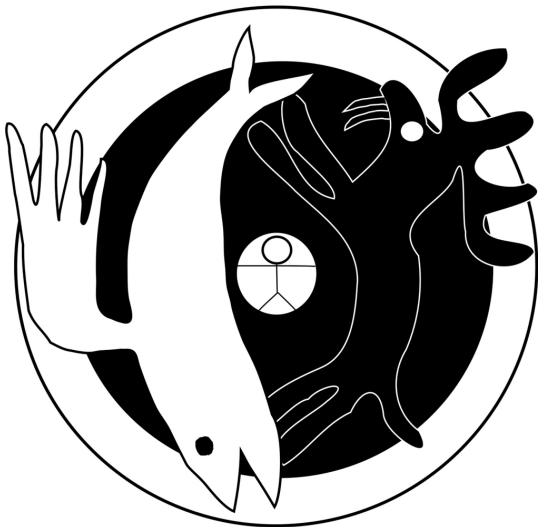

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Бушов
ЛОСЬ И ЛОСОСЬ
Фантастические истории

Сергей Бушов
Лось и лосось.
Фантастические истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40526145

SelfPub; 2020

Аннотация

Под обложкой этой книги собраны фантастические рассказы разных лет, в которых автор пытается разобраться в том, что такое реальность, где её границы, и почему мы находимся там, где мы есть. В оформлении обложки использован рисунок автора книги, Сергея Бушова. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Незначительный изгиб	5
Мыло	17
1	17
2	18
3	19
4	20
5	21
6	22
7	23
8	24
9	25
10	26
11	27
12	28
13	29
14	31
15	33
16	35
17	37
18	39
19	41
20	43
21	46

22	48
23	49
24	50
25	51
26	53
27	55
28	56
29	57
30	58
31	61
33	65
34	66
35	68
36	70
37	72
38	75
39	76
40	78
41	79
42	80
43	81
Orbis	84
Сосны	119
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Незначительный изгиб

Как известно, утро – тяжёлое испытание для молодого организма. Услышав стук в дверь, я с трудом разлепил веки, секунду пытался понять, где нахожусь и почему проснулся, и только потом догадался крикнуть:

– Да-да! Войдите.

Уже после этого я спохватился, что лежу в одних трусах на своей койке, одеяло куда-то запропастилось, а в комнате срач и жуткий запах после вчерашнего. Однако дверь уже открывалась, а на пороге стоял Слава Закревский, мой сосед по блоку.

– А, – сказал он. – Ты ещё спишь. Прошу прощения.

Он собирался удалиться, но я его остановил:

– Да нет, всё в порядке. Я как раз встаю. Заходи.

– Извини ещё раз, – сказал он, осторожно, бочком, пробираясь в комнату. – Просто я подумал, что уже достаточно много времени...

– Так суббота же, – сказал я, садясь на кровати и стараясь подтащить к себе джинсы, свисающие со спинки стула.

– Честно говоря, – возразил Закревский, – сегодня понедельник. Я уже с кафедры возвращаюсь, так что сейчас примерно полвторого.

– Понедельник, – пробормотал я. – Мне тоже надо бы до кафедры добраться. Говорят, мой научный руководитель уже

сильно на меня зол.

Закревский поискал глазами, где разместиться. Затем аккуратно перенёс кучку грязной одежды со стула на край письменного стола и присел.

– Немного тебе завидую, – сказал он. – Тебе всё-таки родители материально помогают. И у тебя поэтому достаточно свободного времени. Ты можешь заняться чем угодно – пойти на курсы, в кино, в читальный зал. У меня же кафедра, потом работа, потом сон. Потом опять то же самое по кругу.

– Ну, – сказал я, застегнув, наконец, штаны, – несмотря на всё это, я никак не могу найти время начать кандидатскую. А ты почему не на работе?

– Сейчас пойду, – сказал Слава. – Я договорился сегодня появиться в три. Ещё достаточно времени. Честно говоря, зашёл с тобой посоветоваться. Если ты готов, конечно, уделить мне минут пять.

– Да, само собой, – сказал я. – Что случилось?

Слава повернулся на стуле, положил руку на спинку и словно бы задумался.

– Даже не знаю, – сказал он, – с чего начать. Очень трудно сформулировать проблему, когда и сам до конца её не понимаешь. Меня не очень устраивает моя теперешняя жизнь.

– Тебе денег, что ли занять? – не понял я.

– Да нет, – он махнул рукой. В этот момент мне почему-то подумалось, что своей худобой Слава несколько напоминает Раскольникова. Ещё вложить бы ему в руку топор... Но нет,

он бы ни за что не смог убить старушку. Такое ему бы и в голову не пришло.

– Дело не в деньгах, – продолжал он. – Мне хватает на жизнь. В общем, всё пока вполне нормально. Конечно, со временем придётся думать о постоянном жилье, о семье, но пока меня беспокоит другое... Я каждый день делаю примерно одно и то же. Работа, еда, сон. Вроде бы и приходится решать некоторые интеллектуальные проблемы, но они однообразные, слишком простые. Вот послушай... Ты можешь в уме перемножить, скажем, триста сорок два и семьсот шестьдесят один?

– Э... – сказал я. – Прямо сейчас? Ну... Давай попробую. Семьсот шестьдесят один на два – это тысяча четыреста... Нет, тысяча пятьсот двадцать два. Потом ещё три тысячи сорок четыре и... Э... две тысячи двести восемьдесят три. В сумме будет... Тут шесть, тут переносим... Кажется, двадцать семь тысяч триста девяносто шесть.

– Вот именно, – сказал Слава. – Ты на порядок ошибся. Правильный ответ – двести шестьдесят тысяч двести шестьдесят два.

– Ну и что? – сказал я. – Калькулятор же есть.

– Я сегодня тоже похожий пример в уме попробовал решить. Правда, посчитал правильно, но заняло это минут пять. Мозги у меня киснут, Серёга. Если человек не может за минуту перемножить в уме два трёхзначных числа – это тревожный звонок. Деградирую я.

– Хм, – сказал я.

– Я думаю, – сказал Слава, – что мне нужно себе занятие какое-то придумать. Чтобы развиваться. Проблема только в том, что времени практически нет. Дорога до кафедры, дорога на работу. Перед сном минут двадцать, может быть. Ты не можешь мне подкинуть какую-нибудь идею?

– Не знаю, – сказал я, зевнув. – Можно вот всякие задачи решать.

– Слишком примитивно, – сказал Слава. – Это фантазию почти не задействует. Хочется чего-то творческого.

– Можно в игры компьютерные играть, – предложил я. – Ну, или читать книжки.

– Игры слишком много времени занимают, – возразил Слава, – а польза сомнительная. Книжки я читаю, но успеваю мало. Стыдно признаться – мне двадцать пять лет, а я только сейчас «Улисса» прочитал. И потом – этого недостаточно. Пассивно слишком.

– Ну, музыку сочиняй, – предложил я наобум.

– Музыка? – Слава задумался. – Идея неплохая... Но, пожалуй, слишком высокий порог вхождения. Я никогда ничем подобным не занимался. Слуха у меня нет, ни на одном инструменте не играю. Но спасибо. Это что-то. Я подумаю.

Он встал, обогнул сваленные на полу упаковки от «Доширака» вперемежку с бутылками и двинулся к двери.

– Ладно, – сказал он. – Мне пора уже. Пока. Спасибо за разговор.

– Пока, – сказал я.

Дверь закрылась. Я посидел немного, подумал. Потом решил, что вставать ещё слишком рано, стащил штаны, вытянул из-под койки одеяло, и, замотавшись в него, попытался снова заснуть.

В следующий раз я столкнулся со Славой недели через две. Не то чтобы я совсем был не в курсе его жизни. Я слышал, как он приходит и уходит, иногда сквозь стенку доносилось, как он напевает что-то себе под нос, но поговорить долго не приходилось. И вот как-то раз, когда я слишком много времени провёл за компьютерной игрой и почувствовал, что устали глаза, я откинулся на спинку стула и решил, что всё равно вряд ли пройду сейчас этот проклятый уровень. Патронов было мало, на контрольной точке я оказался с минимумом здоровья, а монстры пёрли на меня сотнями. Перспектив, казалось, не было никаких. Посидев немного с закрытыми глазами, я вспомнил, что уже примерно сутки ничего не ел, и решил спуститься вниз, в столовую. Или в магазин, купить сосисок или «Доширака».

На выходе из блока я столкнулся со Славой.

– Привет, – сказал он бодро, и мне сразу стало ясно, что он находится на эмоциональном подъеме.

– Привет, – ответил я. – Ну как, нашёл себе занятие?

– Ну, – сказал он, – на это просто так не ответишь... Но, знаешь, пожалуй, да. Хочешь, покажу?

Я решил, что могу потерпеть голод ещё минут пять, и со-

гласился пройти к нему в комнату. Он вытер ноги о коврик, прошёл к шкафу и достал из него пачку листов.

– Понимаешь, – сказал он, словно извиняясь, – после того разговора с тобой я долго думал. И про музыку тоже. Но это не совсем мне подходит. И вот несколько дней назад меня осенило.

Я недоумённо разглядывал протянутые мне листки. Это были распечатанные фотографии.

– Я шёл как-то раз с кафедры, – продолжал он. – И заметил, как красиво падает свет сквозь листву. Выбрал точку, сфотографировал. Результат понравился. И вот теперь снимаю. Каждый день пытаюсь найти что-нибудь новое, интересное. Это затягивает.

Я просмотрел фотографии. Не сказать, что я был сильно впечатлён, но ракурсы Слава выбирал удачные. Обычная тропинка, сфотографированная им, выглядела как сказочная дорога, вымощенная жёлтым кирпичом. Птица, сидящая на заборе, казалась таинственной и зловещей. В общем, снимать у Славы получалось неплохо. Похвалив снимки, я удалился, но с тех пор Слава частенько стучался ко мне в комнату, чтобы продемонстрировать новую порцию.

– Извини, – говорил он, застав меня в обнимку с голой девицей. – Я не знал, что ты не один.

– Да ей всё равно уже пора уходить, – отвечал я. – Давай, показывай.

Слава как фотограф, несомненно, рос на глазах.

– Ты молодец, – говорил я ему. – Вот здесь ты сфоткал стену. Вроде бы стена и стена. Но на твоём снимке видно, что на ней есть какой-то причудливый незначительный изгиб. Никто бы и не заметил, а ты заметил. И от этого снимок кажется каким-то откровением.

– Ну, – отвечал Слава, – понимаешь... Для нас этот изгиб, может, и кажется незначительным, а для самой стены – кто знает? Вот если бы у тебя на позвоночнике был такой же изгиб, ты бы наверняка его почувствовал. И не мог бы не обращать на него внимания.

Когда он мне это сказал, мне и вправду стало немного не по себе. Я представил, что у меня с позвоночником что-то не в порядке, и от этого... Да нет, на самом деле я через минуту обо всём забыл.

В очередной визит Славы я спросил его, почему он снимает только на телефон. Ведь снимки точно выиграли бы, если бы он делал их на нормальную зеркалку.

– Я думал об этом, – сказал Слава. – Даже чуть не купил. Но, во-первых, денег жалко, а во-вторых... Я же снимаю просто по пути с работы. Не стану я с собой тяжёлую камеру таскать. А телефон всё время под рукой.

– А почему бы тебе ещё где-то не поснимать? – спрашивал я. – Съездил бы специально куда-нибудь в красивое место.

– Пробовал, – отмахнулся Слава. – Ездил как-то в парк. Не то. Понимаешь, я тут всё время вынужден на одних и тех же местах выискивать нечто новое. Взглянуть на свою дорогу

от учебного корпуса до общаги с какой-то новой стороны. А в парке всё банально. Цветочки, улыбающиеся люди. Нет работы для мозга. Скукота.

И я понимал, что Слава прав. Он каждый день снимал примерно одно и то же, но всё время открывал новые грани привычных вещей. То снимет дерево сверху, из окна. То выберет момент, когда освещение нарисует на дорожке необычные, таинственные контуры.

– А это что? – спрашивал я.

– Сам не понимаю, – отвечал Слава. – Тут я витрину магазина фотографировал. Вернее, отражение в ней. И на снимке видно, что в отражении здание совсем не такое, как на самом деле. И окно другой формы, и здесь странный карниз. Я думаю, то ли свет так упал, то ли стекло слегка кривое. Если честно, даже не знаю, как объяснить. Но согласись – ведь красиво получилось?

Я соглашался. Слава и вправду снимал красиво. Он наработал множество своеобразных приёмов и техник, благодаря которым его снимки выглядели оригинально и интересно. Например, он любил фотографировать группу хаотично разбросанных предметов, выбирая из них один, который помещал в центр кадра. Он словно бы снимал с точки зрения этого предмета. Получалось, что, скажем, в мусорном баке именно этот журнал – центр Вселенной, и он расположен закономерно и гармонично, а вокруг – сумбур и хаос. Или, наоборот, Слава вдруг выбирал неожиданный угол, под кото-

рым привычный предмет было невозможно узнать.

– А это где? – спрашивал я, разглядывая на снимке внушительную лестницу.

– А, – отмахивался Слава. – Это же просто крылечко на входе в общагу.

– Да? – удивлялся я. – Я всегда думал, что там только пара ступенек...

Я сам, в те редкие дни, когда выбирался на улицу, пытался снимать на свой телефон. И стал снимать лучше, применяя те приёмы, которые видел у Славы. Но мне до него было далеко. В одних и тех же предметах он каждый раз умудрялся находить нечто такое, что трогало, поражало, заставляло переживать. Он снимал, в общем-то, всякую ерунду – трещину на асфальте, криво поставленную урну, здание в полутьме, но при его способностях снимки получались наполненными неким тайным смыслом.

– Это же моё окно, – сказал я.

– Да, – кивнул Слава. – Я снизу снимал, в дождь. Свет долго пытался подобрать.

Окно выглядело жалко, убого. Казалось, что это глаз, на который навернулась слеза. И от этого становилось по-настоящему грустно.

Я несколько раз пытался уговорить Славу обнародовать снимки, поучаствовать в каком-нибудь конкурсе. Максимум, чего добился – Слава завёл страничку в Интернете и выкладывал туда лучшее. Нерегулярно, иногда. Я не пони-

мал этого пренебрежения к собственному таланту. Я бы на его месте... Но, как я уже сказал, моей силы воли не хватало даже как следует заняться кандидатской.

Как-то раз мне было особенно худо. Должно быть, предыдущим вечером я выпил слишком много даже по моим меркам, и теперь с трудом мог встать. Принял таблетку, опустошил бутылку воды, но всё ещё страдал от сушняка и головной боли. В дверь постучали, и я по характерной робости стука догадался, что это Слава.

– Да, – сказал я. – Входи.

Он вошёл, сел. И непривычно долго молчал.

– Слушай, – сказал он, наконец. – Я хочу тебе показать один снимок. А ты скажи мне, что это.

Он протянул листок. Я посмотрел, хмыкнул.

– Какие-то пятна, – сказал я. – Не пойму.

– Нет, – сказал он. – Не пятна. Ты внимательнее посмотри.

Я смотрел, но всё ещё не понимал.

– Я каждый раз пытался найти что-нибудь новое, – сказал Слава. – И, наверно, у меня стало это получаться слишком хорошо. Я сейчас проходил мимо автобусной установки. И чисто на автомате заметил вот это. Подумал, что это ещё не снимал. Выбрал ракурс, сфотографировал, и только потом понял, что снимаю.

Должно быть, рассматривание фотографий Славы тоже что-нибудь да означало. Наверно, я тоже под его влиянием немного привык выискивать в предметах нечто новое. И по-

этому через несколько секунд я понял, что изображено на фотографии.

Возле остановки, никем не замеченный, возвышался чёрный силуэт чего-то огромного, монументального. У него были сопла, стабилизаторы, трап и блестящая на солнце металлическая обшивка.

– Кажется, – сказал я, и мой голос дрогнул, – это космический корабль.

– Да, – сказал Слава. – Похоже, что он здесь давно стоит, и его никто не замечает. Люди ходят мимо, но смотрят сквозь него, будто его и нет.

– Ты хочешь сказать, что это сделано специально? – спросил я. – Кто-то его таким образом спрятал? Заставил нас не замечать?

– Не знаю, – ответил Слава. – Возможно. Не успел ещё как следует над этим подумать. Но, может быть, люди вообще многого не видят. В конце концов, мы многих вещей не изобрели и многих открытий не сделали. Почему? Может быть, просто время не пришло, и мы ещё просто не готовы что-то увидеть? Может быть, мы недостаточно подготовились, чтобы что-то рассмотреть? Вот мы на кафедре пытаемся открыть новые элементарные частицы. Придумываем всё новые запутанные и сложные теории. А, возможно, надо просто взглянуть немного с другой стороны, и всё устройство мира станет сразу простым и понятным? Я не готов пока ответить.

– И что ты хочешь с этим дальше делать? – спросил я.

Слава пожал плечами.

– Подумаю. Скорее всего, просто продолжу фотографировать дальше. Похоже, я двигаюсь в правильном направлении, раз получил такой результат. А дальше... Видно будет.

Он забрал фотографию и вышел из комнаты.

А я встал и приблизился к окну. Я уже начинал трезветь, и взгляд мной стал понемногу обретать резкость. Ну, Слава, понятно, что-нибудь для себя решит. Но что с этим нашим открытием делать мне? Куда мне двигаться дальше?

Я стоял и смотрел в окно. Возле остановки возвышался огромный чёрный корабль. Чуть сконцентрировавшись, я смог разглядеть вокруг него суесящиеся тёмные фигурки. Они были приземистыми, припадали иногда на передние лапы и слегка напоминали обезьян. Они носили туда-сюда причудливые предметы и инструменты. Одна из фигурок вдруг замерла. Она стояла и не шевелилась. И только спустя несколько секунд я понял, что привлекло её внимание. Она смотрела вверх, в мою сторону. Да нет – прямо на меня.

24.07.16

МЫЛО

1

Date: Sat, 17 May 2008 13:47:38 +0400

From: kgkgkg@mail.ru

To: akrivoship@mail.ru

Subject: test

Content-Type: text/plain; charset=KOI8-R

Проверка

2

Date: Sat, 17 May 2008 13:50:01 +0400

From: akrivoship@mail.ru

To: kgkgkg@mail.ru

Subject: Re: test

Спамеры задолбали.

3

Date: Sat, 17 May 2008 13:52:17 +0400

From: kgkgkg@mail.ru

To: akrivoship@mail.ru

Совершил! Я не верю. Ты живой?

Спамер – тот, кто отправляет много ненужных писем?

Это письмо – второе, которое посылаю.

4

Date: Sat, 17 May 2008 13:55:22 +0400

From: akrivoship@mail.ru

To: kgkgkg@mail.ru

Я – живая, если уж на то пошло.

Чудеса. Я с некоторых пор на любой спам так ругаюсь, потому что и вправду задолбали.

Но ответили мне первый раз. Прогресс, блин...

Я думала, ты робот. Так что за тест тогда?

P.S. Грудь увеличить не хочу, гербалайфу мне не надо.

5

Date: Sat, 17 May 2008 13:57:55 +0400

From: kgkgkg@mail.ru

To: akrivoship@mail.ru

Я не робот. Ты живая – то есть ты женщина?

Я доволен, что ты ответила.

Я проверял, что могу послать письмо, действуя на электричество через иполе.

Я сижу на Моуди, Земля отсюда дальше $10E17$ твоих километров.

Привет.

Как твое имя?

Я – Клит.

6

Date: Sat, 17 May 2008 14:00:12 +0400

From: akrivoship@mail.ru

To: kgkgkg@mail.ru

Ну, ты приколист, чувак. Иполе – это от слова «ипать»,
Клит – тоже понятно.

Хотя мог бы что поинтереснее придумать. В зеленых человечков уже никто не верит.

Как на самом деле зовут? Меня – Аня. В принципе, я не против потрепаться, только без всяких заморочек. И еще предупреждаю – я из Нижнего, так что если ты москвич, то в реале встретиться проблематично.

Или я тебя знаю?

7

Date: Sat, 17 May 2008 14:05:12 +0400

From: kgkgkg@mail.ru

To: akrivoship@mail.ru

Аня, ты меня не знаешь, потому что я не был на твоей планете.

Я понимаю, что трудно верить, если что-то никогда не совершалось.

Докажу. В 13:44 ты отправила письмо по теме CV Кривошип на адрес hr@megacode.ru.

Согласна?

Ты можешь рассказать о Земле? Я много знаю, но мне интересно узнать от там находящейся.

Мое внешнее имя Клит, это правда.

8

Date: Sat, 17 May 2008 14:07:21 +0400

From: akrivoship@mail.ru

To: kgkgkg@mail.ru

Перец, ты крут! Взломал почтовый сервак?

Посылала, да. Работу хочу сменить, здесь все обрыдло. Те-
щу проги на джаве уже год, денег ни хрена не платят, да и
скучно.

Колись, ладно. Надоела мне эта чушня про другие плане-
ты.

9

Date: Sat, 17 May 2008 14:14:44 +0400

From: kgkgkg@mail.ru

To: akrivoship@mail.ru

Аня, чем колоться и зачем?

Я приблизительно взломал сервер, это правда. Через ипо-
ле.

Если не веришь, я проследил пакеты по про-
водам. Твой компьютер находится в координатах
231114-761-223-3445/728282-929291-91919, это на высоте
приблизительно 10 твоих метров над поверхностью. В тво-
ем компьютере 10344 файла общим объемом 41456783986
байт. Программа, которой ты отправляешь почту, ссылается
на письма, которые никогда не были отправлены. Одно из
них начинается словами «Привет, Вадим. Увидела твое объ-
явление на сайте знакомств и решила написать. Ты не ука-
зывал свой e-мейл, но гугл рулит. Если бы кто-то мне пол-
года назад сказал, что я буду знакомиться таким способом,
живот бы надорвала. Но сейчас настолько тоскливо, что».
Убеждаю?

Клит.

10

Date: Sat, 17 May 2008 14:16:24 +0400
From: akrivoship@mail.ru
To: kgkgkg@mail.ru
Subject: Сука, урою гада!

Троян запустил, козел? Только попадись – придушу!

11

Date: Sat, 17 May 2008 14:35:32 +0400

From: kgkgkg@mail.ru

To: akrivoship@mail.ru

Subject: Извини

Аня, прости, я прочитал письмо, которое ты не хотела показывать.

Я просто пробовал доказать, что говорю правду.

Расскажи о себе. Я понял, что ты одинокая. Почему? Я много читал о Земле, но плохо понимаю жизнь там.

Клит.

12

Date: Sat, 17 May 2008 14:41:43 +0400

From: akrivoship@mail.ru

To: kgkgkg@mail.ru

Пипец. Тебе удалось меня удивить.

Ладно, извинения приняты. Если ты объяснишь, как ты умудрился прислать мне письмо после того, как я выдернула сетевой шнур.

Через иполе?! Что еще за иполе?

13

Date: Sat, 17 May 2008 15:02:33 +0400
From: kgkgkg@mail.ru
To: akrivoship@mail.ru
Subject: иполе
Content-Type: text/plain; charset=KOI8-R

Аня,

Слово «иполе» я придумал сам, потому что твой язык не содержит его.

В Моуди это называется приблизительно «глачиха» от слов «гарозам» и «лачиха».

На твоём языке это приблизительно «информация» и «поле», поэтому я назвал «иполе».

Я не уверен, что ты понимаешь про устройство мира.

На Моуди мало рабочих женщин, но я понял, что ты работаешь тещу.

Может, ты знаешь, что материя состоит из маленьких флуктуаций.

Есть правила, по которым они рождаются, распространяются и исчезают.

Иполе содержит позитивный уровень массы, который придает им смысл, затухание и энергию.

Очень трудно называть твоим языком, потому что он не содержит точных слов.

Флуктуации в одном месте пространства соединены с флуктуациями в другом месте.

Особенно легко это видно в электричестве, потому что это очень простой поток.

Я хотел попробовать использовать иполе для изменения флуктуаций далеко от меня, потому что было скучно.

Я читал про Землю, интересно. Много информации, мало понятно.

Долго разбирался с вашими электрическими машинами. Наконец получилось передавать цепи данных.

Я могу управлять почти любой электрической машиной, хотя не всегда понимаю результат.

Я хотел бы знать о тебе и Земле.

Клит.

Date: Sat, 17 May 2008 15:07:14 +0400

From: akrivoship@mail.ru

To: kgkgkg@mail.ru

Офигеть!

Это правда?

Конечно, я все равно не верю, но ведь передаешь как-то...

И троянов не нашлось.

Блин, столько читаешь всякой фантастической белиберды, что уже кажется, что инопланетяне рядом, но когда слушается на самом деле, не находишь слов даже, что сказать.

А ты какой? Зеленый? Шесть пальцев на руках? А прислать можешь свою фотку или что там у вас?

И еще – чтобы я уж совсем поверила – можешь подействовать на что-то, кроме компьютера? Вот пылесос тут рядом стоит. Может, погудишь?

Хотя что я фигней страдаю... Это же круто! И давно вы за нами следите? Прилетаете часто? И что собираетесь делать – завоевывать или там с правительствами встречаться?

А тебе теперь медальку дадут за то, что ты сумел управлять нашими компьютерами? Ты же, небось, все наше ПВО можешь отключить?

Вообще, напиши, как там у вас, интересно.

О себе писать не знаю что, я же не в курсе, что ты уже про Землю знаешь, а что нет.

Живу одна, зато квартира у меня своя. Предки, когда разводились, сумели поменяться с доплатой на три квартиры. Мне досталась самая убогая, но отдельная.

Из окна видно Оку, если окно помыть, но это я уже сто лет не делала.

Я не поняла про рабочих женщин. А чем они у вас занимаются? Детей воспитывают?

Я учила физику в институте, само собой, хотя что ты там плёл про флуктуации, не поняла. Я думала, что все состоит из атомов там всяких, протонов, электронов.

Ну, неважно. А ты ученый у вас или кто?

Ладно, я отойду сейчас, мне надо за продуктами, уколоться и пожрать.

Но ты пиши, жду. Надо же – переписываюсь с инопланетянином! Рассказать кому – в психушку засунут.

Аня.

15

Date: Sat, 17 May 2008 15:15:21 +0400
From: kgkgkg@mail.ru
To: akrivoship@mail.ru
X-MS-Has-Attach: yes

Аня, я плохо понимаю, как гудеть пылесосом, но пробовал подействовать.

Я не зелёный. Как я знаю, мы приблизительно одинакового цвета. У меня на первой руке пять пальцев, на второй пять пальцев. Земля похожа на Моуди климатом. Это очень странный факт, но люди здесь и у вас одинаковые. Никто не узнал, почему. Я и выбрал Землю поэтому.

Медальку мне не дадут. В моих проверках нет пользы.

Земля далеко, к вам отсюда никто не летает, как я знаю. Завоевывать не собираются, в этом нет пользы. Планет много, Земля не нужна.

Женщины отдыхают, заботятся о здоровье, рожают детей. Воспитывает планета. Им не нужно работать.

Я не ученый. Я приблизительно химик. Подбираю составы для чистки.

Посылаю изображение в вашем формате png. Думаю, что цвета соединены правильно.

Если тоже пришлѐшь, хорошо. Форматы я ваши могу читать, у меня много информации.

Ты не ответила, почему одинокая. У нас женщины не бывают одинокими, они всегда могут взять мужчину по выбору для вязки. Конечно, между тех, у кого есть свободная квота.

Протоны и электроны – это тоже флуктуации, очень большие. Я читал вашу науку, много неправильного, но в большом совпадает.

Удивительно, что ты знаешь про протоны. Наши женщины точно не знают. Ты на работе этим занимаешься?

Что ты любишь делать? Что у вас люди делают, когда не работают и не спят?

Я люблю разные опыты и смотреть небо. А ты?

Клит.

Date: Mon, 19 May 2008 20:04:14 +0400
From: akrivoship@mail.ru
To: kgkgkg@mail.ru
X-MS-Has-Attach: yes

Клит,
вот это реально было круто.

Собственно, поэтому я и отвечаю только сейчас.

На всякий случай говорю: то, на что ты пытался воздействовать – это не пылесос. Это была моя настольная лампа. Гудеть она не может. Зато она красиво поморгала, а потом взорвалась. Еще выгорела проводка в стене, так что мне пришлось вызвать электрика, и сегодня он наконец пришел. Комп, к счастью, цел, зато я полдня прогуляла.

Учитывая, что зарплату мне задерживают, я не парюсь по этому поводу. Вот.

Фотку получила, да! Если бы не вид сзади и не оранжевое небо, я бы подумала, что это Земля.

Ты клевый. У тебя, небось, на твоём Моуди куча девушек? Прямо Арнольд Шварценеггер, и лицо приятное. А почему ты в шортах? У вас жарко? И что на ухе висит? И что за зверек странный такой, типа кошки?

Теперь только наконец начинаю верить, что это не прикол, а по-настоящему. Но это же ведь сенсация, понимаешь? Контакт с другой планетой – этого же никогда раньше не было. Почему ты говоришь, что Земля не нужна? Чудно. Мне нужно, наверно, бежать в газету какую-нибудь, кричать, что я переписываюсь с тобой, но кто поверит?

Тоже посылаю фотку. Не такое гигантское разрешение, как у тебя, но я тут хотя бы на себя похожа. Это летом, на Покровке. Подруга снимала.

Почему одинокая, спрашиваешь? Да чёрт его знает. Видишь – невзрачная, айтишница замороженная. Знакомиться сама не умею. И потом, меня же не «вязка» интересует. Впрочем, тебе, наверно, я не смогу объяснить. Ладно, проехали.

Я люблю, понятное дело, возиться с компом, играть в ходилки-стрелялки, книжки читать. Не знаю, что ещё. Спать, наверно. Хотя в последнее время у меня по ночам иногда бывают гипы, а это сомнительное удовольствие, башка потом несколько дней отходит.

«Смотреть небо» – это как? Что ты имел в виду?

И ещё – а ты можешь сюда прилететь или это невозможно?
Аня.

P.S. Лампу больше не трогай, а то я переживаю за комп. У меня лишних бабок сейчас нет, чтобы его починить.

Date: Mon, 19 May 2008 20:22:14 +0400
From: kgkgkg@mail.ru
To: akrivoship@mail.ru

Аня,

Извини за лампу, больше не трогаю. Расшифровал твою фотографию. Очень интересно. Почему ты говоришь, что ты невзрачная? Если я правильно понимаю слово, оно неправильное. Нельзя так говорить, но ты мне нравишься. У вас странная одежда, я видел на других фотографиях, но теперь вижу, что правда.

Вообще, кажется, наши планеты очень похожи. Я тоже читаю книжки и возиться с компом. Честно, у меня много информации, но я мало понимаю из того, что ты пишешь. Что такое зарплата?

Как я понял, Арнольд Шварценеггер управляет маленькой страной. Почему я – прямо он?

На ухе у меня висит приблизительно противогаз, без него трудно дышать, поэтому я и занимаюсь чисткой. Зверек – Сун, мой лопер. Он хороший, но немного бестолковый.

Что такое гипы? Я находил у вас в Интернете, но не совсем

понял. Это болезнь?

Девушек у меня нет, мне нельзя.

Ты про работу не ответила. Чем занимаешься и что такое тещу?

Земля не нужна, потому что планет много, много информации. Если лететь, то далеко и сложно, а пользы нет. Мы летаем на ближние планеты, если есть польза. Отдаём мусор, перемещаем людей для империи, принимаем науку, если она лучше.

Смотреть небо я придумал в детстве. Я смотрю вверх, где тучи, и думаю, что мне их кто-то показывает. У вас похожее называется кино. Меняется форма и цвет туч, в этом можно находить смысл и эмоции. Только я никому не рассказываю, чтобы не выгнали.

Я стал ждать твоих сообщений. Спасибо.

Клит.

Date: Mon, 19 May 2008 20:58:45 +0400

From: akrivoship@mail.ru

To: kgkgkg@mail.ru

Привет, Клит.

Смотреть небо – интересно, наверно. Ты чудной.

Арнольд Шваценеггер – это актёр, он известен тем, что большой и сильный. У тебя мышцы примерно как у него.

Про работу. Я тещу, то есть тестирую, программы для компьютеров. Проверяю, что они работают как надо. Пони-маешь? Немного надоело уже, но я мало что умею, хорошую работу найти тяжело. Зарплата – это деньги, которые платят за работу. У вас есть деньги или у вас коммунизм уже? Как у вас вообще всё устроено? У нас без денег нельзя, потому что жить как-то надо. Вот и приходится работать, не знаю, как уж там ваши женщины.

Почему тебе нельзя заводить девушек? Ты чем-то болен? По виду не скажешь.

У меня диабет. Гипа – это гипокликемия, когда сахар падает слишком низко и надо срочно что-то жрать, пить сладкую воду и т.д. Очень неприятная штука, у меня в последнее время что-то проблемы с этим, поэтому стараюсь на ночь

колоть поменьше.

Ладно, не будем об этом. Обидно слышать, что Земля никому не нужна. А если бы наши руководители захотели к вам слетать, вы бы с ними стали разговаривать или в этом тоже «нет пользы»?

Ладно. Пойду спать.

И тебе спокойной ночи. Или что у тебя сейчас? У вас вообще ночь есть?

Пока,

Аня.

Date: Tue, 20 May 2008 17:01:54 +0400

From: kgkgkg@mail.ru

To: akrivoship@mail.ru

Привет, Аня.

Я сегодня читал много информации о Земле, пытался понять и представить, учил язык.

У вас многое по-другому. Я так понял, что у вас женщины живут так же, как мужчины, планета им специально не помогает, они могут быть одиноки и совсем не завести детей.

Они работают, чтобы жить, потому что нужны деньги. Тяжело.

Я читал про диабет. У нас была такая болезнь, давно. Сейчас исправили гены, больше нет. Но я узнаю, как можно лечить, напишу.

У нас нет денег. Всё необходимое для жизни дает планета. Но если человек хочет что-то ещё, ему нужны квоты. Их можно получить за заслуги или много времени работы. У меня есть одна квота, я её берегу, а может быть, через пару лет заработаю ещё.

Квота нужна, чтобы улучшить жильё или завести жену, чтобы купить нестандартное оборудование или свободу пе-

реезд.

Я не хочу выставлять свою квоту для вязки, потому что она всего одна, а женщина вряд ли меня выберет, у меня проблемы с централизацией.

Ночь у нас есть. И в сутках у нас двадцать четыре часа, как у вас. Это очень странное совпадение.

Смотрел фотографии Земли. Много красивого. Растения живут сами, в природе. Не всё застроено. Небо светлое. Интересно.

Я не знаю, что бы сделала планета, если бы кто-то к нам прилетел. Наверно, говорили бы. Это не я решаю.

Я бы хотел к тебе, посмотреть, но это невозможно. Чтобы долететь на корабле, нужно много энергии, никаких квот не хватит.

Что-то мне грустно сегодня.

Клит.

Date: Tue, 20 May 2008 18:49:51 +0400

From: akrivoship@mail.ru

To: kgkgkg@mail.ru

Subject: Сон

Клит, привет!

Не грусти там! Инопланетяне же не грустят.

Представляешь – ты мне сегодня снился! Странный сон. Будто я еду на поезде по длинному подвесному мосту. Вагон стеклянный, а внизу – пропасть. Вдруг всё начинает дрожать, рушиться, откуда-то огонь. И тут сверху, на верёвке какой-то, спускаешься ты, разбиваешь стекло и хочешь поднять меня, но верёвка рвется, и мы падаем на пол. Потом взрыв, вагон летит вниз, и ты тоже, а я остаюсь вверху, потому что успела схватиться за верёвку, и меня несёт куда-то, к блестящим домикам на берегу. Путано рассказываю, но сон был красивый.

Всё вспоминаю момент, как ты меня обхватываешь руками. Ты во сне был сильный. На самом деле тоже, наверно? Я ещё вот перечитывала сейчас твои письма и думала – ну да, всё понимаю, вы там собрали много информации, ты что-то нашел, прочитал... Но как ты смог по этой информации

разобраться с кучей форматов, принципами работы наших компьютеров, язык выучить? Совершенно нереально, я бы точно не смогла. Ты очень умный, наверно.

Про квоты интересно. Если бы меня кормили и одевали, я бы точно не работала. Уж, по крайней мере, не там, где сейчас. Скучно, всё время ошибаюсь, пропускаю баги. Короче, чувствую себя дебилкой.

Что такое централизация, с которой у тебя проблемы? Что-то по мужской части?

А какая у тебя фамилия? Ты не подумай ничего, я просто так спрашиваю. У меня фамилия дурацкая, обязательно бы сменила, если бы была возможность.

Хорошо, что ты передаёшь сразу на мой комп, кстати, потому что интернет у меня сегодня отрубился, деньги кончились. Ты, наверно, можешь вообще сразу читать то, что я набираю, и не письмом отправлять, а сразу текст передавать, к примеру, в редактор или на диск. Да?

Расскажи мне ещё про свою планету. Я поняла, что у вас живут люди и лоперы. А ещё звери какие-нибудь есть? Чем все занимаются? Где живут? Интересно.

Жалко, что ты так далеко, я бы точно заехала в гости.

Хотя, конечно, если учесть, что я до Москвы не могу доехать, потому что на билет денег нет, то это представляется уже совершенно нереальным.

С другой стороны, неделю назад я не поверила бы, что смогу переписываться с тобой, человеком с другой планеты,

вот так просто. Да и в жизни происходит много таких вещей, которые никак не можешь ожидать. Если подумать, сама жизнь – штука невероятная. Атомы, электроны, протоны – всё это составляет молекулы, потом клетки, потом ткани, а из этого слеплен человек. Так ведь это всё вместе как-то работает, не разваливается, почти не ломается. Как, почему? Вот ты говоришь, есть ещё флуктуации – чёрт знает, что это такое, но, наверно, есть. Всё так сложно, что и не поймешь, куда в следующий момент все это вывезет.

М-да, я уже чушь несу.

Пока, Клит.

Пиши.

Аня.

Date: Tue, 20 May 2008 19:03:13 +0400

From: kgkgkg@mail.ru

To: akrivoship@mail.ru

Привет, Аня.

Мне сны снятся редко. И обычно скучные, чаще всего про работу. Баки, чаны, инжекторы, темнота, гудки. Не люблю эти сны.

Я не умный, скорее глупый. Централизация – да, это по мужской части. Я не нашёл у вас точного слова. Может, концентрация? Кажется, централизация точнее. Как это у вас называется? У меня она очень слабая, иначе бы давно получил ещё квоту и, может быть, даже женился.

Фамилий у нас нет. Имен у каждого человека много. Приблизительно фамилия – имя потока. У меня Гем.

Я не знаю, что рассказать о Моуди. Здесь очень много людей, приблизительно сорок миллиардов. Есть домовые животные – лоперы, джикши, чуки. В природе животных нет, немного бактерий. Отдельные особи сохранены в музеях для опытов и откорма.

В редактор передавать могу, но зачем менять, если работает?

Я тоже часто думаю о флуктуациях. Кажется, что очень просто, но на самом деле не так. У меня есть какие-то идеи, что можно испытать, но нет оборудования. Мне интересно создание и удаление флуктуаций, очень полезно.

Я сегодня сидел и о тебе думал на работе. Перепутал вещества, и тренер сердился.

Да, у нас есть стеклянные поезда. То есть материал по свойствам похож на ваше стекло. Откуда ты узнала?

Аня, тоже пиши.

Клит.

Date: Wed, 21 May 2008 22:17:17 +0400

From: akrivoship@mail.ru

To: kgkgkg@mail.ru

Subject: Прощай

Клит, давай не будем больше переписываться. Как ты говоришь, в этом нет пользы.

Аня.

Date: Wed, 21 May 2008 22:19:07 +0400
From: kgkgkg@mail.ru
To: akrivoship@mail.ru
Subject: овалавдвы

Аня, привет, что случилось?

Я сделал тебе сердитой, не хотел. Давай продолжать говорить, не сердись, пожалуйста, я приблизительно понимаю, что зря сказал про централизацию, но я могу пытаться. Хочешь, я потрачу квоту на хорошего психолога из другой секции?

Я привык говорить с тобой, мне нет кому.

Может, для тебя нет пользы, но мне есть. Я постараюсь дать пользу, правда. Я плохо понимаю про деньги, что тебе нужны, но, может, их как-то можно сделать?

Я тебе мешаю? Почему?

У тебя всё хорошо?

Клит.

Date: Thu, 22 May 2008 20:49:07 +0400

From: kgkgkg@mail.ru

To: akvivoship@mail.ru

Subject: йждвгоылу

Аня, привет.

Я читал ещё о Земле. Я понял, что вы не знаете централизацию. И ещё у меня есть мысли.

Не исчезай, будет польза.

Прости, но смотрю твою фотографию. Даже хочется сходить искать чиджанку, но боюсь.

Клит.

Date: Thu, 22 May 2008 22:49:07 +0400
From: kgkgkg@mail.ru
To: akrivoship@mail.ru
Subject: сойьььлукбю

Аня, я съел чиджанку, но ты не бойся, никто не узнает. Мне грустно. Почему ты не хочешь говорить? Я тут попробовал централизоваться, не могу совсем. Ответь, пожалуйста. Это правильное слово? Я обязательно придумаю что-нибудь сделать. Я вот сейчас думаю, что флуктуации можно как-то генерировать, чтобы стартировать далеко. Догоняем до нуля, переводим в резонансную скорость, и готово. Только нужно очень точно рассчитать все частоты, моей централизации точно не хватит. А даже если хватит, то энергия слишком большая. Я очень-очень хочу помочь. У тебя имя хорошо звучит. И глаза умно, я всё время смотрю фотографию. Наверно, слишком много чиджанки, а завтра на работу.

Аня, если ты когда-то мне снова напишешь, скажи – что есть такого, что могло бы у тебя быть, но нет, а если бы было, что помогло тебе жить? Деньги? Я их плохо понимаю.

Лопер рычит, не нравится, как я выгляжу.

Где ты сейчас? Почему не отвечаешь?

У меня много идей. И тратибор вылетит, и нет. Мне бы очень хотелось ты написала, потому что совсем никто.

Напиши.

Клит.

Date: Fri, 6 Jun 2008 18:42:35 +0400

From: akrivoship@mail.ru

To: kgkgkg@mail.ru

Subject: Ты тут?

Клит, привет.

Прости, что написала то письмо. Я вижу, что оно тебя расстроило. Была неправа. У меня тут много что произошло. Попробую начать с начала.

Я после работы решила зайти к подруге, Лизе. Ну, и что-то понесло меня рассказать про тебя. Понятное дело, что сначала она не поверила, а потом, когда я ей показала фотку и объяснила, что к чему, обозвала меня дурой, и сказала, что мне надо замуж и искать нормального парня здесь, на Земле, а не забивать себе башку всякими инопланетными онанистами. Она почему-то решила, что ты по интернету типа сексом занимаешься. Она говорила, что ты всё равно меня не прокормишь, замуж не возьмешь, ребенка не сделаешь, и нет в таком общении никакого толку. Понимаю, что глупость, но мне тогда так тошно стало, что я припёрлась домой и сразу написала тебе. Потом стала реветь, жалеть себя, сахар подскочил до тридцати. Перепугалась, вколола инсулина

лошадиную дозу, ещё сильнее перепугалась, вызвала скорую. Загремела в больницу. Слава Богу, привели меня в чувство, лежала под капельницей две недели. Сейчас все нормально, да и было время подумать.

Лизка права в том, что мне кто-то нужен здесь. Одной тоскливо, скучно и просто жить тяжело. Но мне приятно с тобой общаться. Так вот писала – вроде как и отдушина, хотя и бессмысленно всё это.

Я твои письма с трудом поняла последние. Что за централизация? Что за идеи там у тебя?

Расскажи, интересно.

Чиджанку свою больше не жри. Вредно, небось, не зря же запрещают.

Не сердись?

Аня.

Date: Fri, 6 Jun 2008 20:02:57 +0400
From: akrivoship@mail.ru
To: kgkgkg@mail.ru
Subject: Напиши

Клит, ты обиделся, что ли?
Прости меня, дуру.

Date: Sat, 7 Jun 2008 12:09:24 +0400

From: kgkgkg@mail.ru

To: akrivoship@mail.ru

Subject: Привет

Аня, привет.

Извини, что не ответил сразу, был занят, не смотрел письма.

Я не сержусь. У меня, кажется, начало получаться.

Надеюсь, я правильно нащупал в твоей комнате свободное пространство. Пожалуйста, сиди за компьютером и ни в коем случае не вставай. Через две минуты кое-что произойдет.

Клит.

Date: Sat, 7 Jun 2008 12:15:08 +0400

From: akrivoship@mail.ru

To: kgkgkg@mail.ru

Subject: ОБАЛДЕТЬ

Клит!

Это что? Алмаз? Почему горячий? Как? Одни вопросы.

Самое смешное, что я не успела прочитать твое письмо, как вдруг посреди комнаты под люстрой что-то вспыхнуло и из пустого места на пол упал этот блестящий камень. Подобрала с пола – обожглась.

Слушай, это же супердорого! И – как вообще возможно? Я даже не знаю, что сказать...

Спасибо!

Ты ответь, а то у меня уже руки чешутся нести его в скупку. С другой стороны, красивый такой, огромный, сверкает...

Целую,

Аня.

Date: Sat, 7 Jun 2008 12:19:04 +0400

From: kgkgkg@mail.ru

To: akriovoship@mail.ru

X-MS-Has-Attach: yes

Аня,

Да, это алмаз. Точнее, бриллиант, я читал, так называется эта огранка. По-вашему около пятидесяти карат. Могу и больше, но для эксперимента достаточно. Очень рад, что ты вернулась. Это поможет? Ты сможешь получить за него деньги?

Мне кажется, я уже неплохо стал писать на русском языке. Теперь попробую объяснить, как передал.

Все флуктуации материи зависят друг от друга, и эти взаимодействия передаются через иполе мгновенно по сложным законам. Изменение флуктуаций в одном месте вызывает изменения во всех других, где-то больше, где-то меньше. Можно точно рассчитать, что именно меняется, хотя это и очень сложно. Моя идея состояла в том, чтобы создать колебания иполя в одной точке пространства, чтобы флуктуация схлопнулась и вызвала точно такую же флуктуацию в другой заданной точке. Это очень неустойчивый процесс, но мне удалось подобрать параметры. Я синтезировал бриллиант, это

совсем нетрудно, а вот подготовить и настроить оборудование было сложнее. Получилось.

Теперь о централизации. Это способность организма кратковременно активизироваться для выполнения какой-то одной функции. Она заложена во всех людях в разной степени, у меня очень слабо. Я узнал, что у вас она ещё не открыта, а вот на Моуди используется уже много сотен лет. Это позволяет обрабатывать много информации, быстро учиться и легко выполнять некоторую работу. Есть специальная методика, по которой учат детей.

Я попробовал перевести на русский язык инструкцию, прилагаю. Попробуй прочитать и как следует погрузиться в содержание текста. Запомни слово-ключ в конце. Когда надо централизоваться, произнеси его мысленно.

Честно говоря, вряд ли это сработает, мы всё-таки разные, мозг наверняка работает немного по-другому, да и не уверен, что образы в инструкции будут понятны для тебя. Перевёл, как мог. Но попробуйся. Для меня работает плохо, наследственность.

Как себя чувствуешь? Я пытаюсь работать над лекарством, но все данные об этой болезни затерялись, я ни в чём не уверен. Мне бы надо было тебя обследовать, но ты далеко.

Я нашёл в интернете ещё несколько твоих фотографий. Одна очень понравилась, ты там с другой девушкой на скамейке, смотришь вдаль, у тебя волосы развеваются, а в руке бутылка, кажется, пива.

Я так понял, оно типа чиджанки, так что тоже много не пей, мозги усохнут.

Я очень рад, что ты вернулась.

Пока,

Клит

Date: Sat, 7 Jun 2008 18:24:19 +0400

From: akrivoship@mail.ru

To: kgkgkg@mail.ru

Subject: Бриллиант

Фу!

Только что вернулась. Удалось сбыть твой камень, чуть со страху не умерла. Скупщик долго юлил, выпрашивал, где взяла, цену сбивал. Понятно, что дал гораздо меньше, чем он стоит, но это в любом случае огромные деньги, так что торговаться я не стала. Я прикинула, что мне на жизнь хватит лет на десять, если проживу столько, конечно. Можно было бы и квартиру поменять, наверно, но привыкла к своей. Накупила еды, кофточку (потом фотку пришлю), за инет заплатила. Остальную кучу денег притащила домой, теперь вот думаю, что делать дальше. Ходить вообще на работу или нет? Пожалуй, буду ходить, а то и правда мозги усохнут.

Насчёт пива, кстати, не волнуйся, я его не очень люблю.

Ты просто не представляешь, что для меня значит то, что ты сделал. Ведь если подумать, я просто никому не нужный человек на никому не нужной планете в миллиардах (да нет, больше даже) километров от тебя. С какой стати ты мне по-

мог? Ведь моя жизнь теперь изменится полностью. Я, пожалуй, положу деньги в банк, буду получать проценты. Смогу заниматься чем хочу, а не тратить все силы на поддержание жизни в своем хилом тельце.

Диабет – не проблема, многие с ним живут, вон, даже Шерон Стоун.

Начну жить по-человечески, красиво одеваться, смогу познакомиться с кем-нибудь. Хотя, если честно, вряд ли я найду человека, похожего на тебя. Ты добрый, красивый, не избалованный, мозги вон какие. Плевать мне на твою способность к централизации, у нас тут никто этого вообще ведь не умеет.

Самое обидное, что я ничем не могу тебе отплатить. Или могу? Может быть, тебе что-нибудь нужно? А назад, от меня к тебе, предмет можно переслать?

Да – насчёт централизации. Я прочитала текст, ключ запомнила, но ничего не поняла. Никакого эффекта не заметила. Так что, боюсь, не сработало. Но ты не огорчайся, я всё равно с трудом представляю, зачем оно мне надо, особенно теперь.

Да – я окно помыла!

Клит, спасибо тебе. Я тебе буду обязана до самой смерти.

Пиши,

Аня.

P.S. Завтра побегу разорять местные магазины ;-)

Date: Sat, 7 Jun 2008 19:01:07 +0400

From: kgkgkg@mail.ru

To: akrivoship@mail.ru

Subject: Так

Аня,

рад, что у тебя теперь всё хорошо. Мне ничего не нужно, достаточно того, что ты со мной общаешься. Я ведь тут, на Моуди, тоже совсем никому не нужен. Мне очень приятно от того, что я могу тебе чем-то помочь. Тебе прислать ещё один бриллиант?

Интересно, как бы ты себя вела, если бы я был рядом с тобой. Наши женщины меня не замечают, как будто я застывший джикши. Один раз я загляделся здесь на одну девушку в неректайте (это как раз тот стеклянный поезд), её куратор подбежал и без вопросов разрядил весь свой шокер. Больно было, ходить два дня не мог.

Это всё потому, что у меня такая работа. Может быть, мне нужно поменять хотя бы район, чтобы не было так тоскливо. Жалко, что квот больше нет, но я заработаю ещё.

Лопер, кстати, съел мой карандаш, так что я пишу это пальцем. Он вообще хороший, но очень привередливый, ничего не ест, зато грызёт несъедобные предметы.

Я так понял, что у вас бывает разная погода – белый снег,

дождь льёт с неба. У нас всё время одинаково, пыль. Дожди прекратили давно, хотя я бы вернул их назад. Очистили бы воздух хоть немного.

Жду фотографию с кофточкой. Ты совсем не такая, как женщины у нас. Это комплимент.

Клит.

Date: Sun, 8 Jun 2008 16:43:21 +0400

From: akrivoship@mail.ru

To: kgkgkg@mail.ru

Привет, Клит,

Извини, что пишу не сразу, сегодня бегала по магазинам, совсем забыла про время, в магазине вдруг чувствую – туман перед глазами, дрожь по телу, пот бежит. Хорошо, что был глюкометр с собой. Померила, офигела, заглотила сахару, приползла домой, отхожу. Башка теперь стопудово будет неделю болеть.

Ничего, зато купила всяких шмоток, фотик цифровой и кое-что по мелочи.

Ты правда переедь, если район у вас такой, что кураторы злые. У тебя же была запасная квота, что тут экономить?

Пока лягу спать, не могу.

Спасибо тебе.

Аня

Date: Mon 9 Jun 2008 18:22:41 +0400

From: kgkgkg@mail.ru

To: akrivoship@mail.ru

X-MS-Has-Attach: yes

Привет, Аня.

Когда придёшь домой, посмотри на пол в центре комнаты. Если всё прошло нормально, там ещё один бриллиант, чуть покрупнее, и капсула с порошком. Три грамма порошка раствори в нейтральной жидкости и выпей. Не знаю, поможет или нет, но вреда быть не должно. Сам пробовал. Вкус противный, но ничего плохого до сих пор не чувствую.

Должно восстановить клетки поджелудочной железы и немного омолодить другие внутренние органы. Это древнее лекарство, рецепт нашёл наконец в архивах и синтезировал.

Квоты у меня нет, я потратил на оборудование. Но это даже хорошо, оно мне пригодится.

Ещё присылаю три файла. В двух просто музыка, одна от головной боли, другая для улучшения настроения, я раньше после работы всегда ее слушал, но сейчас уже не очень помогает. В третьем файле – это я пою. Ты не поймёшь слова, но это очень красивая песня. О больной рыбе. Она тоже ста-

ринная, сейчас у нас почти нет песен, только медицинская музыка. Я услышал у хайпов, это что-то вроде ваших бомжей. Пою я не очень хорошо, но старался.

Как ты там?

Пиши,

Клит.

Date: Mon, 9 Jun 2008 18:53:37 +0400

From: akrivoship@mail.ru

To: kgkgkg@mail.ru

Subject: Ну зачем?

X-MS-Has-Attach: yes

Клит,

Ну как ты мог потратить на меня свою квоту? Зачем? Кто я тебе? Ты теперь ещё два года будешь зарабатывать новую? У меня слов нет.

Спасибо, что ты мне помогаешь, но я того не стою, честное слово. Я никуда не годная некрасивая тётка с другой планеты, понимаешь?

Ладно. Больше не делай так, пожалуйста.

Порошок выпила. Как быстро должно начать действовать? Пока не чувствую ничего. Музыку послушала. Голова правда прошла, здорово. Вторая тоже весёленькая такая, меня на хи-хи пробило.

Голос красивый у тебя, такой у нас называется баритон. И песня красивая, жалко, что слов не понимаю. У нас нет такой музыки, очень необычно. Надо будет основать новый стиль, только никому не говорить, что это ты прислал.

Бриллиант я спрятала, пока не хочу продавать, пусть будет на чёрный день.

Ты не ответил – я могу что-то для тебя сделать? Жалко, что ты так далеко. Я бы очень хотела, чтобы у тебя всё наладилось. Странная у вас планета, если такие хорошие люди, как ты, чувствуют себя несчастными. Вроде и наука развита, а вон тоже бомжи. Непонятно.

Я ещё думаю про эти твои флуктуации.

Ты говоришь, что если здесь что-то меняется, то меняется везде. Выходит, если я что-то на Земле делаю, от этого зависит то, что происходит у вас? Или я что-то неправильно понимаю?

Да – прикрепляю парочку песен. Я понимаю, что ты и так в нашем интернете можешь их найти, просто это мои любимые. Послушай.

Пиши,

Аня.

Date: Tue 10 Jun 2008 18:22:41 +0400

From: kgkgkg@mail.ru

To: akrivoship@mail.ru

Аня, привет.

Как здоровье? Не помогло?

Я послушал песни. Одна из них не по-русски, но я понял, нашел в сети текст. Она грустная, хочется плакать. «Без тебя стало так одиноко, как птице без песни». Грустно, но очень красиво. Я знаю, кто такие птицы, я видел в музее. Мы уничтожили почти всех птиц, потому что нас слишком много. Нас много, но мы одиноки.

У меня неприятности на работе. Я ошибся в растворе и съёл большой чан. Восстанавливать долго и дорого. Вынесли порицание, тренер помочился в ухо. Значит, квоту мне вряд ли дадут в ближайшие годы. Но ничего, я привык тут работать. Буду стараться, позанимаюсь с психологом, может, научусь централизоваться как следует.

Может быть, если бы я кому-то рассказал, что научился так точно управлять флуктуациями, мне бы сняли порицание, но я боюсь. Очень много правил нарушил, когда установил дома оборудование.

Аня, скажи, а если бы я смог к тебе переместиться, один раз и навсегда, ты бы хорошо ко мне относилась? Ты же женщина, ты можешь меня презирать, я не нужен тебе. Мне кажется, в вашем мире я смог бы найти себе место. Я бы смог тебе помочь, научить вас чему-то, что вы не знаете. Я довольно хорошо разбираюсь в полях и потоках.

Как ты думаешь?

Клит.

Date: Tue, 10 Jun 2008 20:11:44 +0400

From: akrivoship@mail.ru

To: kgkgkg@mail.ru

Subject: Чудеса

Клит, привет!

Ну что ты там загрустил?! Не смей унывать, мы что-нибудь обязательно придумаем. А ты не можешь поискать себе другую работу? Пишешь какие-то ужасы прямо.

Я бы, конечно, очень хотела, чтобы ты прилетел, но ведь это опасно. Когда бриллиант появился, он был очень горячий, невозможно держать в руках. Разве человек такое перенесёт? Даже если ты переместишься, то всё ли с тобой будет в порядке? Вдруг ты сойдешь с ума или что-то повредишь? Как я буду здесь тебя лечить? Ты не представляешь, какая отсталая у нас медицина. Короче, не торопись, подумай как следует.

А относиться я к тебе буду, конечно, очень хорошо. Ты для меня словно ангел. Сегодня столько всего случилось... И всё благодаря тебе.

Во-первых, я сегодня проснулась абсолютно свежая и бодрая. Померила сахар – 4.2. Удивилась, решила попробовать не колоться перед завтраком. Померила ещё раз уже на ра-

боте. Он почти не вырос, хотя я сожрала больше чем обычно – продуктов-то теперь завались! Клит, я боюсь сглазить, но, по-моему, я первый человек на Земле, которому удалось вылечиться от диабета. И ты ещё спрашиваешь, как я к тебе буду относиться, если ты появишься? Да я тебе ноги целовать буду, кофе в постель приносить, сделаю всё, что ты захочешь, честное слово!

Дальше. Пришла на работу. В голове твои письма вертелись, слова разные. Сижу что-то за компом, туплю. Нашла в программе баги, стала заносить, полезла в код посмотреть, и тут меня перемкнуло. Я вдруг представила себе всю эту программу изнутри, поняла, как она работает, каждый параметр и метод, увидела кучу неоптимальностей и косяков и стала заносить баги...

После обеда меня вызвал к себе начальник. Начал изда- лека – типа, хорошо ли себя чувствую, как у меня дела. Ока- залось, он как раз сегодня решил просмотреть открытые ба- ги. Наткнулся на мои. И понял, что я занесла почти тысячу багов за несколько минут. Сначала он подумал, что я хакну- ла базу или ещё как-то нахулиганила, но потом вчитался и понял, что всё занесено правильно, и я просекла очень мно- го правильных фишек. Он сказал, что не будет допытывать- ся, как я смогла это сделать. Просто сказал, что предлагает мне быть системным архитектором, потому что понял, что все, кто два года разрабатывал это глючное кривое дерьмо – полные лохи. Я согласилась. Потом ещё поэкспериментиро-

вала с централизацией. Круто. Вспоминаешь ключ, и наступает такая ясность в голове, всё сразу понимаешь, всё складывается, руки работают как заведенные. Похоже, я просто перепису всю их систему до конца недели.

Ты подарил мне новую жизнь, Клит.

Где ты был раньше, чёрт тебя дери? ;-)

Аня.

Date: Tue 10 Jun 2008 22:24:12 +0400

From: kgkgkg@mail.ru

To: akrivoship@mail.ru

Subject: Лопер

Аня, привет.

Рад, что у тебя все хорошо. Судя по твоему рассказу, у тебя очень хорошая способность к централизации, не то, что у меня. У тебя все получится.

Я думал о твоих словах. Да, наверно, это и вправду опасно, но я не могу здесь больше. Может быть, и мне нужно поменять свою жизнь. Наверно, стоит понизить энергию и сместить контуры, чтобы предмет не перегревался при создании.

Давай сделаем так – я отлажу аппаратуру и через час pošлю тебе лопера. Я надеюсь, с ним ничего не случится. Его зовут Сун, питается он синтетическим белком, ты сможешь найти что-то похожее наверняка.

Жди.

Клит.

Date: Wed, 11 Jun 2008 8:37:05 +0400

From: akrivoship@mail.ru

To: kgkgkg@mail.ru

Subject: Re: Лопер

Клит, ну ты даёшь!

Я вчера рано легла спать, потому что устала, и твоего письма не видела. Проснулась сейчас от того, что кто-то на мне лежит. Перепугалась до смерти.

Сун, похоже, пригрелся, я встала, а он даже и не шевелился, дышал только да в две дырки сопел. Пока спал, вообще ничем не отличался от обычного кота. Когда проснулся и глаза открыл, стало ясно, что не кот. Глаза огромные, рыжие, глубокие-глубокие, смотрит так, будто понимает всё. Ласковый, трётся всё время. Классный.

Первые минуты я была на тебя злая, что ты его прислал – у меня никогда кошек не было, не умею с ними обращаться, да и где взять синтетический белок? Теперь думаю, что справлюсь. Попробовала дать ему колбасу – нос воротит. Сварила путассу, у меня завалилась пара рыбин. Набросился, чуть не целиком глотал. Ты его не кормил, что ли, совсем? Худой,

хотя и лохматый.

Ладно, мне на работу. Запру его в квартире, авось не на-
бедокурит. Вечером разберёмся.

Аня.

P.S. У тебя нет никакой ответственности. А если бы что
с ним случилось?

Date: Wed 11 Jun 2008 17:45:12 +0400

From: kgkgkg@mail.ru

To: akrivoship@mail.ru

Subject: Отправляюсь

Аня,

Я решился. Раз с Суном всё в порядке, я иду к тебе.

Ровно в 18:30 по твоему времени я должен появиться в центре комнаты. Не подходи и отодвинь подальше вещи, лопера тоже не подпускай.

Отвечаю на твой вопрос – да, флуктуации именно так себя и ведут. Если ты что-то делаешь или о чём-то думаешь, всё меняется во всей Вселенной. Потом объясню.

Жди.

Клит.

41

Date: Wed 11 Jun 2008 18:32:40 +0400

From: akrivoship@mail.ru

To: kgkgkg@mail.ru

Что это было? Ты где? Свет моргал, воздух колыхнулся –
и тишина.

Ты жив?

Date: Wed 11 Jun 2008 18:45:11 +0400
From: akrivoship@mail.ru
To: kgkgkg@mail.ru

Клит,

Ну, отзовись, скажи, что все в порядке! Пожалуйста!

Аня.

Date: Fri 20 Jun 2008 19:20:21 +0400

From: akrivoship@mail.ru

To: kgkgkg@mail.ru

Subject: Прилетай

Здравствуй, Клит.

Не знаю, сможешь ли ты когда-то это прочитать.

Прошло уже несколько дней, тебя всё нет, и я никогда, наверно, не смогу себя простить за то, что тебя не остановила. С другой стороны, не знаю, где ты сейчас, что с тобой, может, всё не так плохо, как думала в начале. Весь вечер и потом полдня всё редела, как дура. Потом успокоилась и просто стала жить дальше.

У меня всё хорошо. Систему я все-таки переписала, начальник в восторге. Хотел гнать всех программистов в шею, но я остановила, сказала, что помощь не помешает. У меня есть тайное желание научить парочку людей централизации. Не решила пока. Выплатил мне гигантскую премию, говорит, что мы завоюем рынок. Может, и завоюют. Только не знаю, со мной или без меня.

Собираюсь завтра ехать в Москву к одному профессору, повезу остатки твоего лекарства. Пусть сделают доступным

для всех. Надеюсь, сумеют разобраться и воспроизвести.

Говорила по телефону, вроде убедила проверить. Про тебя не рассказывала, сказала, что источник назвать не могу. Посмотрим.

Лопер носится по улице за кошками. Уж не знаю, что там у него с ними выйдет, но активности можно только позавидовать. Дерётся с котами, прыгает с дерева на дерево и вызывает у старушек подозрительное любопытство. Я пока отбалтываюсь тем, что это редкая порода, из Австралии привезли.

Что ещё? Бриллиант решила не продавать. Пусть лежит на память. Он красиво переливается и сверкает на солнышке. Денег мне хватает, а так будет что-то напоминать о тебе. Не зря же говорят, что бриллианты – навсегда.

Вчера вечером вышла на балкон и смотрела небо. Только сейчас начала понимать, что ты имел виду. Тучи хмурились, шевелились, что-то пытались сказать. И во всём этом был какой-то смысл, но никто на свете не мог бы точно сказать, какой.

Мне хочется теперь заняться чем-то серьёзным. Может, наукой. Чтобы централизация не пропала зря. Наверняка смогу. Возможно, научусь строить такие же аппараты, как ты, переправлюсь на Моуди и буду тебя искать.

Я вчера снова произнесла ключ, но просто закрыла глаза и стала думать о тебе. И мне открылось нечто, что я не могу выразить словами. То ли мысль, то ли образ. И я поняла, что ты есть, ты по-прежнему существуешь и никуда не пропал.

Не может же ни одна флуктуация исчезнуть бесследно, если она уже породила во Вселенной столько изменений.

А значит, ты и сейчас находишься где-то – то ли в виде души, то ли в виде идеи, то ли во множестве крошечных частиц, рассеянных по Вселенной, а может быть, и просто сидишь на Моуди, пытаясь починить сломавшуюся аппаратуру. Это неважно. Ты есть и всегда будешь.

И, возможно, мы ещё встретимся.

Я верю. Я жду.

Аня.

Ноябрь – декабрь 2008

Мытищи

Orbis

Ветер дул навстречу, барабаня по лицу градом колючих снежинок. Они вылетали из тьмы, словно из ниоткуда, отскакивали от кожи и продолжали свой путь в никуда, подхваченные яростным потоком воздуха. Чурдомыжский согнулся, вжался в шубу, пытался укутаться в шарф, но от ветра решительно невозможно было спрятаться.

Его путь лежал меж толстых волнистых сугробов к высокому, торжественному парадному нелепого и тяжеловесного особняка средних размеров, который выделялся среди ряда подобных разве что своей аляповатостью. Его явно много раз достраивали, надстраивали и перестраивали, не желая оставлять в покое его измотанную каменную душу. Одно окно казалось больше других, водосточные трубы, сейчас обмёрзшие льдом, были разного калибра и фасона, а фасад, оштукатуренный не полностью и кое-как, являл свету потёртые, с зазубринами и выщербинами строительные камни.

Чурдомыжский вскарабкался по обледеневшим ступеням к массивной двери, на которой несколько сиротливо смотрелась крохотная табличка «Орбис. Литературный клуб», и нажал медную, отполированную многочисленными пальцами кнопку звонка.

Через минуту дверь шевельнулась, выглянул в щёлку сухонький старичок в пенсне. Узнал.

– Евгений Юльевич? Прошу.

Дверь растворилась пошире, пропуская Чурдомыжского внутрь.

– Здравствуй, Ефим. Все уже собрались?

В прихожей было натоплено, парко. Чурдомыжский тут же скинул с плеч тяжёлую, пышную шубу, дохнувшую холодом на принявшего её дворецкого.

– Почитай, все, – ответил Ефим. – Акромя, по обыкновению, господина Хорошева.

Пристраивая шубу и шапку в гардеробчик побоку, он покачал головой и изрёк:

– А погодка-то какая, позволю заметить! Это что же творится-то! Светопреставление. А ведь, почитай, апрель.

– Да уж, дружочек, – согласился Чурдомыжский. – Погода малоприятная. Не принесёте ли мне чайку?

– Сию минуту, – поклонился Ефим и поспешил удалиться.

Чурдомыжский прошёл в гостиную, где царил приятный полумрак. Нарушали его лишь рассеянный свет, пробивающийся из-под зелёного абажура, подвешенного над большим овальным столом, да пара тускловатых светильников на стенах. За этим столом, стоящим горделиво на гнутых в чипендейловском стиле ножках и накрытым плотным салатовым сукном, располагались пока что две дамы и почтенных лет мужчина в военной форме. Он сидел чинно, с суровым, слегка надменным, лицом и возлагал руки на стоящую перед ним

трость. Чуть поодаль, за отдельным маленьким столиком, сидела ещё одна молодая дама приятной наружности, с лёгкой хитринкой в глазах, сжимающая в пальчиках блокнотик, а возле неё стоял, заложив левую руку за спину, розовощёкий молодой человек с оттопыренными ушами.

– Добрый вечер, дамы и господа, – поклонился Чурдомыжский и приблизился к столу, обратившись к одной из дам, худенькой блондинке средних лет с заколотыми сзади локонами. – Здравствуйте, Валентина Алексеевна. Сердечно рад лицезреть вас снова в нашем кругу. Надеюсь, здоровье ваше совершенно исправилось.

– Здравствуйте, дорогой мой, – ответила Валентина Алексеевна. Кончик её тоненького остренького носа непрестанно шевелился, словно ощупывая воздух. – Да, благодарю. Однако же вы заставили нас ждать. Я уже вся изнервничалась, а ведь доктор мне категорически запретил.

– Виноват, – сказал Чурдомыжский, целуя предложенную ручку. – Нижайше прошу простить меня. Но справедливости ради хочу заметить, что на часах ещё без двух минут.

Он повернулся ко второй даме, брюнетке помоложе:

– А вы, прекрасная Елена, ещё сильнее похорошели. Даже пополнели, я смотрю.

– Да что вы, Евгений Юльевич! – возразила Елена. – Мы же не виделись всего две недели.

– И тем не менее, – настаивал Чурдомыжский. – Можете спросить кого угодно – вы выглядите с каждым днём всё жи-

вописнее. Не так ли, господин полковник?

Мужчина в форме выпрямился, прокашлялся и произнёс низко, отрывисто:

– Да-с, весьма производит диспозицию.

– Ну, внешнее впечатление может много от чего зависеть, – согласилась Елена. – Звёзды ведь тоже оказывают своё влияние. На моей натальной карте напротив Венеры стоит чернильное пятно. Я думаю, именно поэтому я так переменчива в смысле романтическом...

Чурдомыжский к этому времени уже не слушал её. Он игриво помахал рукой парочке у маленького столика:

– Добрый вечер, Регина Анатольевна. А вы всё пишете?

Регина Анатольевна приветственно подняла испачканную чернилами руку и кивнула в ответ.

– Ну, конечно же, пишет! – с жаром заметила Валентина Алексеевна. – Она же стенографист.

– И вы, Володя, здравствуйте, – добавил Чурдомыжский, одарив молодого человека сладчайшей улыбкой.

Володя пробормотал нечто еле разборчивое, но очевидно недружелюбное, и покраснел.

Чурдомыжский уселся в одно из кресел и протянул ноги вперёд.

– До чего же это замечательное ощущение, – произнёс он. – После крошечного ледяного ада оказаться в тепле, да ещё в приятной компании. Благодарю, дружочек.

Последнее относилось к Ефиму, который поднёс Чурдо-

мыжскому чай.

– Скорей бы уж, – сказал Володя Регине Анатольевне. – Сегодня у нас обязательно должно получиться нечто необычайное. Сегодня очередь Анатолия Сигизмундовича начинать.

– Володя, – осторожно возразила Регина Анатольевна, – вы ведь столько раз уже пытались...

– Да, согласен, – сказал Володя, наклонившись вперед и нахмутив лоб. – Но сегодня сам Анатолий Сигизмундович...

Заметив на лице Регины Анатольевны оттенок недоверия, он снова покраснел и добавил:

– Неужели же вы думаете, что мы, семь интеллигентных неглупых людей, не в состоянии создать гениальное произведение искусства?

Регина Анатольевна загадочно улыбнулась, но бог знает, что она хотела сказать этой улыбкой.

Стукнула входная дверь, и в гостиную ввалился мужчина лет тридцати в расстёгнутом сюртуке и совершенно без галстука.

– Всем здравствуйте, – сказал он и, пошатываясь, направился к столу.

У Валентина Алексеевны вытянулось лицо.

– Сергей Александрович! – воскликнула она. – Как же можно? Вы ужасно пьяны!

Хорошев с непонятной целью попытался протиснуться между Еленой и столом, но споткнулся и чуть не упал.

– Э, нет, – сказал он, оставив это занятие. – Обижаете. Я не пьян. Я только немного выпимши.

Сменив направление, он добрался-таки до кресла по левую руку от Чурдомыжского и плюхнулся на него, развалившись.

– Господин Хорошев! – поддержал Валентину Алексеевну Чурдомыжский. – Се manqué de respect! От вас пахнет, как, простите, из дрянного трактира.

– Да кто же вас заставляет нюхать? – удивился Хорошев. – Я просто позволил себе немного расслабиться, что же в этом такого?

– О Боже! – воскликнула Валентина Алексеевна, сморщив нос. – Вы бы хоть ширинку свою застегнули!

– Я бы рад, – развёл руками Хорошев, – да, понимаете ли, все пуговицы отлетели по неосторожности. Приношу свои извинения за этот казус...

– Возьмите вот, прикройтесь, – Елена протянула Хорошеву маленькую подушечку. – Господа, будьте же благосклонны. У каждого ведь бывают дни, когда звёзды выстраиваются не лучшим образом.

– Вот именно, – поддакнул Хорошев и засунул подушечку себе под голову. – Не волнуйтесь. Я вполне способен... участвовать в вашем действе. И вести себя буду тихо. К тому же, как мне кажется, я даже не опоздал.

– Как же! – возмутилась Валентина Алексеевна. – Да ведь уже... Позвольте, господа, а где же, собственно, Анатолий

Сигизмундович?

– Да, признаться, я не помню, чтобы раньше он хотя бы раз припозднился, – согласился Чурдомыжский. – Ведь он ужасно пунктуален, не правда ли, господин полковник?

– Так точно, – ответил полковник. – Всегда, как штык.

– Я начинаю тревожиться, господа, – Валентина Алексеевна оглядела всех обеспокоенным взглядом. – Уж не случилось ли чего? Мы же не можем начать без Анатолия Сигизмундовича?

– Конечно же, нет! – воскликнул Володя, подходя и занимая своё место. – Без него наш клуб назывался бы не «Орбис», а «Недоразумение»!

– Кстати, а почему «Орбис»? – Чурдомыжский наморщил лоб. – Кто-нибудь помнит, что сие означает?

– Это сам Анатолий Сигизмундович придумал, – многозначительно произнёс Володя. – Но почему, не знаю. Мне кажется, он не объяснял.

– Да нет, – откликнулся Хорошев. Он поднял воротник сюртука и, опустившись в кресле, пытался улечься щекой на подлокотник. – Он точно объяснял. Только что говорил, не помню. Я тогда был не то чтобы выпимши, но слегка навеселе.

– Кажется, «Орбис» – это «город» по-латински, – сказала Валентина Алексеевна. – Хотя я не вполне уверена.

– Интересно, при чём же тут город? – озадаченно пробормотал Чурдомыжский.

– Должно быть, здесь заложен некий сакральный смысл, – предположила Елена. – Если, к примеру, сложить порядковые номера всех букв, а потом...

– Добрый вечер, господа, – раздался громкий хрипловатый бас сверху. По мраморной лестнице с галереи второго этажа спускался крупный мужчина преклонного возраста во фраке с крохотной белой бабочкой, выглядящей довольно нелепо на толстой, могучей шее. Его седые волосы образовывали солидную, слегка выющуюся гриву, а в теле, несмотря на годы, чувствовалось гораздо больше мускулов, чем жира. – Прошу прощения, что задержался.

Члены клуба наперебой поприветствовали Анатолий Сигизмундовича, и ему пришлось поднять руку, призывая остановиться гвалт. Он подошёл к своему креслу сзади и, взявшись за спинку рукой, продолжил:

– Я сегодня провёл много времени, перечитывая наши предыдущие опусы. И я, мягко говоря, разочарован. По большей части это просто мусор. Конечно, встречаются красивые фразы, интересные сюжетные повороты, необычные метафоры. Но ещё больше глупости, дурного стиля и банальностей. Однако даже не это самое главное. Пушкин в одном из трудов писал, что для драматического писателя главное «истина страстей и правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах». Так вот этого я не увидел ни единой крохи. Надо верить в то, что мы пишем. Нужно находиться душой там, внутри нашего произведения, переживать

его и понимать, что чувствует главный герой и все остальные персонажи. Тогда и читатель сможет погрузиться в тот же мир, взглянуть на него нашими глазами. У нас же получается набор действий, ничем не оправданных и ничего не выражающих. Пришёл, сказал, влюбился, ушёл. Почему ушёл? С какой стати влюбился? Из текста ничего этого не видно.

Анатолий Сигизмундович умолк и сел в кресло.

– Это какой же Пушкин? – спросила Валентина Алексеевна. – Тот самый, у которого золотая цепь на дубе? Он что же, не только стихами баловался?

– Вы меня поражаете, Валентина Алексеевна, – покачал головой Анатолий Сигизмундович. – Мне кажется, раз уж вы посвящаете себя литературе, то нужно хотя бы лучшие примеры изучить.

– Виновата, – сказала Валентина Алексеевна, и кончик её носа затрясся особенно жалобно. – Я исправлюсь, клятвенно заверяю вас. Я уж у подружки книжку Ричардсона одолжила.

– Итак, – сказал Анатолий Сигизмундович, – я предлагаю отныне как можно сильнее вживаться в наш придуманный мир. Иначе всё это так называемое творчество не имеет никакого смысла. Не считая, конечно, благообразного времяпрепровождения.

– Я буду очень стараться, – торжественно пообещал Володя.

– Надеюсь, – вздохнул Анатолий Сигизмундович. – Как вы это в прошлый раз сказали? «Левее моей правой руки

находилось чувственное тело». Ну, да ладно... Напомню на всякий случай правила. Каждый предлагает одно грамматически законченное предложение. В случае, если у клуба нет принципиальных возражений, оно записывается. Если возражения есть и в результате обсуждения они не разрешены, право продолжить передаётся следующему участнику. Однозначно не принимаются фразы безграмотные и грубые. Всё остальное на усмотрение клуба. Все готовы?

Анатолий Сигизмундович повернул голову, убедившись, что Регина Анатольевна сидит за столиком, держа наготове ручку и блокнот.

– Тогда приступим, – сказал он. – Если мне не изменяет память, сегодня моя очередь начинать. Пусть будет так: «Однажды прекрасным июльским утром, когда солнце уже залило своим светом кроны деревьев, но воздух ещё не потерял приятной прохлады, я стоял на платформе и ожидал прибытия поезда».

– Ух ты, – сказал Володя. – Как замечательно! Именно то, что нужно для начала!

– Давайте постараемся говорить только по делу, – предостерег Анатолий Сигизмундович, хотя по интонации чувствовалось, что он немало польщён. – Валентина Алексеевна, вы следующая.

Валентина Алексеевна заёрзала в кресле и принялась тереть пальцами огромную золотую серёжку в форме ажурного листочка.

– Э! – сказала она. – Дайте подумать...

Её глаза бегали из стороны в сторону, выдавая напряжённую работу интеллекта. Валентина Алексеевна отпустила серёжку и попыталась положить руки на стол перед собой, но они так откровенно тряслись, что ей вновь пришлось схватиться за спасительную мочку уха.

– Э! – сказала Валентина Алексеевна. – Анатолий Сигизмундович! А вы не могли бы повторить? Как вы сказали?

Анатолий Сигизмундович свёл вместе свои густые брови и чуть наклонился вперёд:

– Валентина Алексеевна! Я прошу вас – сосредоточьтесь! Будьте внимательнее! Я сказал: «Однажды прекрасным июльским утром, когда солнце уже залило своим светом кроны деревьев, но воздух ещё не потерял приятной прохлады, я стоял на платформе и ожидал прибытия поезда».

– Ого! Ещё лучше, чем в первый раз, – похвалил Володя.

– Да-да, Анатолий Сигизмундович, – пролепетала Валентина Алексеевна. – Я запомнила. Сейчас...

Она продолжила остервенело дёргать свою серёжку.

– Э! – сказала она. – Э... Сейчас...

– Валентина Алексеевна! – возмутился Володя. – Ведь это так просто...

– А вы не сбивайте меня! – воскликнула Валентина Алексеевна, шлёпнув ладошкой по столу. – Я ведь стараюсь. Нужно же себя поместить в эти самые предполагаемые обстоятельства... Я думаю!

Наступило молчание. Изредка оно нарушалось нетерпеливым поскрипыванием кресел и недружелюбным сопением Володи. Громогласно прозвонили тяжёлые беккеровские часы на стене.

– Э... – сказала Валентина Алексеевна. – Кажется, придумала. Нет, точно придумала.

– Ну, наконец-то, – нарочито громко вздохнул Володя.

– Слушайте! – торжественно объявила Валентина Алексеевна. – «Поезд прибыл».

– Кхм, – сказал Володя. – А не суховато ли?

– Я могу подумать ещё, – ответила Валентина Алексеевна.

– Нет-нет, – торопливо возразил Анатолий Сигизмундович. – Это вполне подходит. Стиль я могу и сам потом подредактировать. Продолжайте, Евгений Юльевич.

– Секундочку, – Чурдомыжский отхлебнул немного чая из чашки и вернул её на блюдечко. Затем поднял в воздух руку в нелепом жесте, словно собирался чихнуть, и продекламировал с чувством: – «В пьяном утреннем воздухе витал обворожительный аромат свежескошенного сена».

– Кхм, – сказал Володя.

– Что-то не так? – насторожился Чурдомыжский.

– Не так, – сказал Володя. – Вот вы рассудите меня, Анатолий Сигизмундович. Если уж мы стараемся себя поместить в те самые обстоятельства, то ерунда какая-то выходит. Ждём мы, значит, поезда. Он пришёл. А мы, вместо того, чтобы скорее садиться, стоим и, прошу прощения за грубость, сено

нюхаем.

– Согласен, согласен, – замахал руками Чурдомыжский. – C'est tout à fait vrai... Пусть будет так: «Я впорхнул в вагон, сел в пустое купе и почувствовал сквозь раскрытое чьей-то заботливой рукой окно, как в пьяном утреннем воздухе витал обворожительный аромат алкоголя».

– Чего? – переспросил Володя.

– Тьфу! – снова замахал руками Чурдомыжский. – Ну, тут же рядом... Сами понимаете... Да сена же, конечно, сена. Свежескошенного!

– Хорошо, – сказал Анатолий Сигизмундович. – Сергей Александрович!

Хорошев лежал головой на подушке, уложенной на подлокотник, и мирно сопел во сне, источая упомянутый Евгением Юльевичем аромат.

– Разбудите его, Евгений Юльевич! – вскричала Валентина Алексеевна. – Что за непочтительное отношение к клубу?

Чурдомыжский брезгливо толкнул руку Хорошева пальцем.

– А? – встрепенулся Хорошев. – Что?

– Ваша очередь, – сказал Чурдомыжский.

– Угу... – Хорошев уставился на него мутноватым взглядом. – Угу... «Снег валил густыми хлопьями, каждое размером с приличный сугроб».

– Кхм! – Володя чуть не подпрыгнул на месте. – Какой ещё снег? Сейчас же середина лета.

– Да? – Хорошев потёр лоб. – Угу... Ну и что? А почему, собственно, в середине лета не может идти снег?

– О Боже, – Володя картинно воздел глаза к потолку. – Не хочу я с вами спорить. Пусть будет снег.

– Вот вы мне и в прошлый раз всё пытались заткнуть рот, – возмутился Хорошев. – А если я так себе это представляю? Вот вам моя истина страстей. Там снег идёт. Ясно вам?

– Сергей Александрович, не кипятитесь, – вмешался Анатолий Сигизмундович. – Мы уже приняли ваш вариант. Продолжайте, Володя.

– Да, конечно... – Володя задумался. – «Чтобы шёл снег в июле, я никогда в первый раз не видел». Кхм. Нет. «Чтобы в первый раз в июле такие погоды, я встречал в первый раз».

– Володя! – рассердился Анатолий Сигизмундович. – Что за косноязычие! При чём тут ваше «чтобы»? Почему «погоды»? Давайте, формулируйте по-русски, или передам слово следующему.

– Хорошо, Анатолий Сигизмундович, – Володя смутился. – Минуточку... «Никогда не мог себе подумать, что в июле может быть снег, но вот может же, пожалуйста, и это могло что-нибудь да означать».

– Корявенько, – сморщился Анатолий Сигизмундович. – Но уже лучше. Давайте уж дальше, Лена.

Елена оживилась и сделала весёлое лицо.

– «Конечно, обычно считают, что всему виной глобальное потепление или магнитные аномалии, но я-то точно знала,

что погода зависит напрямую от высших сил».

– Замечательно! – похвалил Анатолий Сигизмундович.

– А я не понимаю, – возразил Володя. – У нас рассказ от лица мужчины или женщины? Вроде недавно было всё в мужском роде.

– Я не думаю, что это принципиально, – сказал Анатолий Сигизмундович. – Как кому проще изъясняться, пусть так и будет. Если дамы будут говорить от женского лица, им так легче станет погрузиться в обстановку рассказа. А потом исправим всё на один род.

– Почему же дамы? – встрепнулся Чурдомыжский. – Я тоже могу писать от женского лица, так даже пикантнее...

– Ну, как вам угодно, – сказал Анатолий Сигизмундович. – Господин полковник, прошу.

Полковник выпрямился ещё сильнее, чем раньше, и отчеканил:

– «К моему полнейшему удовлетворению, поезд следовал в строгом соответствии с расписанием и должностными инструкциями».

– Хорошо, – сказал Анатолий Сигизмундович. – Мне кажется, пока всё получается очень неплохо, не правда ли?

– М-да, – хмуро отозвался Володя. – Регина Анатольевна, вы записываете?

– Записываю-записываю, – отозвалась Регина Анатольевна из-за соседнего столика.

– Ну-с, моя очередь... – Анатолий Сигизмундович при-

крыл глаза на секунду, а затем снова открыл и произнёс: – «Я ехал в купе один, глядя в окно на проезжающие мимо телеграфные столбы».

– Отлично, – сказал Володя.

– Э... – сказала Валентина Алексеевна. – А сейчас же я продолжаю?

– Валентина Алексеевна! – возмутился Анатолий Сигизмундович. – Ну сколько можно? Я же просил вас сосредоточиться.

– Да-да! – Валентина Алексеевна засуетилась, заёрзала, покраснела, затем снова принялась теревить серёжку. – Простите, пожалуйста. Я сейчас...

Наступило неловкое молчание, которое через пару минут нарушил Володя своим злобным сопением.

– Да-да, – повторила Валентина Алексеевна, остервенело дёргая серёжку. – Я сейчас, сейчас... О! Придумала! «Поезд шёл уже две минуты».

– Отлично! – похвалил Анатолий Сигизмундович. – Это подчёркивает напряжённость повествования. Давайте, Евгений Юльевич.

Чурдомыжский поводитил в воздухе рукой и промурлыкал:

– «Всё в вагоне сверкало, блистало и переливалось, а за окном простирался такой чудесный пейзаж, что и слов невозможно было найти, чтобы его описать».

– Кхм, – сказал Володя.

– Что на этот раз? – спросил Чурдомыжский, наклонив

голову.

– Может, всё-таки найдёте слова, чтобы описать? – спросил Володя. – Мы же тут все сидим, мучаемся – что же такого необычайного увидел господин Чурдомыжский за окном? Не можем, понимаете ли, прочувствовать правдоподобие чувствований...

– Коряво, Володя, – заметил Анатолий Сигизмундович. – Но я согласен. Евгений Юльевич, вы не могли бы переформулировать?

– Ну, я не знаю... – Чурдомыжский недовольно скрестил руки на груди. – Пусть будет тогда просто «В вагоне всё блистало, сверкало и переливалось». Что там за окном, кроме столбов, я никак не вижу.

– Хорошо, – согласился Анатолий Сигизмундович. – Господин Хорошев!

Чурдомыжский ткнул Хорошева в бок кулачком:

– Ваша очередь!

– Угу, – сказал Хорошев, открывая глаза. – «И стены были выложены фекальными плитками».

– Кхм! Может быть, кафельными? – грозно спросил Володя.

– Да что я, кефаль от факела не отличу?! – разозлился Хорошев и перелёг на другой подлокотник.

Наступило тягостное молчание. Володя вопросительно посмотрел на Анатолия Сигизмундовича, но не нашёл в его глазах поддержки и продолжил:

– «Мне ужасно хотелось сильно спать». Ой, то есть, «Мне так хотелось спать, что глаза мои рожали причудливые образы».

– Володя! – погрозил Анатолий Сигизмундович. – Что это у вас глаза рожают? Поправьтесь быстро!

– Кхм... Простите, – замялся Володя. – «Мне очень хотелось спать, и причудливые образы сами вставали у меня перед глазами, как лист перед травой».

– Плохо, Володя! – с укоризной выговорил Анатолий Сигизмундович. – Почему как лист перед травой? Что это должно означать в данном контексте? И почему так важно, что образы сами вставали? Кто их ещё мог поднимать?

– Ну, – промямлил Володя, – я имел в виду, что они не из глаз моих рожались, а сами по себе...

– Горе вы моё, – вздохнул Анатолий Сигизмундович. – Ладно, поправлю после. Елена, прошу вас.

Елена расцвела и с нетерпением выпалила:

– «Мой третий глаз ясно различил в том, что я видела двумя остальными глазами, дурное предзнаменование».

– Кхм, – сказал Володя.

– Володя! – сказал Анатолий Сигизмундович. – Мне кажется, фраза Елены вполне соответствует нашему уровню подготовки. Давайте уже поменьше критиковать. Время идёт, а мы ещё до завязки не добрались.

– Как же не добрались? – не согласился Володя. – Мы уже вполне завязли. То есть... Ну ладно, ладно.

– Господин полковник? – передал слово Анатолий Сигизмундович.

Полковник торжественно взмахнул усами и изрёк:

– «Несмотря на объективные трудности, возникающие в пути, машинист вёл поезд точно в заданном направлении».

– Вот за что я вас люблю, господин полковник – за стабильность! – похвалил Анатолий Сигизмундович. – Теперь я. «Впереди, в лобовом стекле, я уже мог различить очертания мрачного старинного замка».

– Анатолий Сигимундович! – воскликнул Володя. – Ну как же так? Вот от вас-то я никак не ожидал. Какое ещё лобовое стекло?

Валентина Алексеевна подпрыгнула на месте и закричала, местами срываясь на визг:

– Прекратите! Вы только и делаете, что придираетесь! Это художественное произведение! Мы пишем то, во что верим! Сколько это может продолжаться?

Володя сник и покраснел.

– Валентина Алексеевна, – Анатолий Сигизмундович попытался поймать её вибрирующую руку, – не стоит волноваться. Владимир горяч по молодости, он ещё не успел в жизни совершить всех необходимых ошибок. Продолжайте, пожалуйста.

– Э... Опять я? – Валентина Алексеевна отодвинулась к спинке, стараясь успокоиться, но кончик носа, выплясывающий дикий неистовый танец, показывал, что это ей не впол-

не удаётся. – Минуточку. Сейчас... – Она схватилась за обе серёжки сразу и стала дёргать их дрожащими пальцами. – Сейчас... Нет, ну нельзя же всех подряд критиковать! Что за привычка?.. А! О! Придумала. Слушайте. «Поезд был в пути уже очень долго».

– Замечательно! – сказал Анатолий Сигизмундович. – Вы делаете успехи! Пожалуйста, Евгений Юльевич.

Чурдомыжский поджал ноги под кресло, выгнул шею и завращал рукой, демонстрируя всем гладкую бледную кожу на своём запястье и при этом декламируя:

– «Над замком вспыхивали завораживающие огни праздничного фейерверка – то красный, то зелёный, а то и вовсе совершенно неопишуемые цвета рассыпались по предгрозовому небу».

– Кхм, – сказал Володя.

– Что на этот раз? – поднял бровь Чурдомыжский.

– Да так, ничего, – замылся Володя. – Просто хотел узнать, какой же там у вас праздник, в ваших предполагаемых обстоятельствах.

– Лично у меня, – объявил Чурдомыжский, – всегда праздник. Мне для этого не нужно никаких поводов.

– Принимается, – сказал Анатолий Сигизмундович. – В конце концов, задача следующих рассказчиков объяснить, что там за праздник и почему. Сергей Александрович?

Хорошев практически не шевелился. О том, что он жив, можно было догадаться только по лёгкому похрапыванию.

Чурдомыжский ткнул его костяшками пальцев под рёбра:

– Ваша очередь.

Хорошев приоткрыл один глаз, затем приподнялся и сонно оглядел всех.

– Что вы всё время меня пихаете, будто я сплю? – промямлил он. – Я же всё слышу. «Волны бились о борт и захлёстывали палубу».

– Кхм! – сказал Володя.

– Господин Хорошев! – воскликнул Анатолий Сигизмундович. – На этот раз я вполне разделяю недовольство Володи. Какие волны? Мы же едем на трамвае!

– Что? – опешил Володя. – Анатолий Сигизмундович...

– Да! – перебил Хорошев. – А может, это речной трамвай?

– Господин Хорошев, – сказал Анатолий Сигизмундович, – как-то это сомнительно, я бы сказал...

– При всём уважении, – возразил Хорошев, – вы сами просили говорить то, во что мы верим. Я верю в речные трамваи, даже не сомневайтесь.

– Ну, что ж... – Анатолий Сигизмундович неуверенно перевёл взгляд на Володю. – Вам расхлёбывать.

– Кхм... – Володя на секунду наморщил лоб, соображая. – Хорошо. «Я отодвинул от уха раковину, звуки из которой помогли мне представить, будто я представляю себе...». Нет, не так. «Я отодвинул от уха раковину, рожающую звуки океана, и снова вернулся сознанием в поезд».

Возникла неловкая пауза. Елена покосилась на Анатолия

Сигизмундовича, который молча уставился в стол, и робко продолжила:

– «На этот раз было очень похоже на магнитные аномалии».

Полковник гулко стукнул тростью об пол и гаркнул:

– «Зато колёса стучали точно по уставу: «Ать-два, ать-два!»»

Внезапно пол помещения вздрогнул, а затем медленно протяжно заскрипел.

– Вы бы поосторожнее со своей палкой, – залепетала Валентина Алексеевна.

Особняк заметно трянуло, и помещение стало постепенно крениться набок, словно под фундаментом задышало, разбуженное, огромное недовольное существо. Стены завибрировали, стол сдвинулся с места. Чурдомыжский вскочил.

– Что-то происходит, господа, – сказал он. – Что-то определённо не так, уж поверьте мне.

– Землетрясение, должно быть, – предположил полковник. – Помнится, во время Крымской кампании...

– Надо же что-то делать! – закричала Валентина Алексеевна, соскочила с кресла и засемила к выходу.

Особняк тем временем издал тяжкий стон и начал постепенно выправлять своё положение, а затем и наклоняться в другую сторону.

– А я вам не зря говорила про высшие силы! – торжественно заявила Елена.

– Пойдёмте, господа, посмотрим, что снаружи происходит, – спокойно сказал Анатолий Сигизмундович, поднимаясь с кресла.

Члены клуба один за другим высыпали из гостиной и через прихожую попали на крыльцо, которое, впрочем, уже трудно было назвать крыльцом. Теперь на месте каменных ступеней оказался дощатый настил, окружённый невысокими бортиками, за которыми бесновалась тёмная, пенистая вода. Особняк сросся своими стенами с остовом огромного, мрачного корабля, быстро плывущего вперёд по недружелюбному бушующему морю.

Небо было покрыто тучами, такими густыми и чёрными, что они казались высеченными из камня, и то там, то здесь, из них выстреливали мелкие, яркие молнии.

Литераторы растерянно стояли возле выхода из особняка, образовав неровный полукруг. Только Валентина Алексеевна, оказавшаяся на палубе первой, отделилась от строя, отбежав в центр настила, и впала в неопишемую истерику.

– Ааа! – кричала она. – Нас смыло! Мы сейчас умрём! Почему мы здесь оказались? Анатолий Сигизмундович! Спасите!

– Валентина Алексеевна! – крикнул сквозь ветер Анатолий Сигизмундович. – Возьмите себя в руки, наконец. И руками за что-нибудь возьмитесь, а то вас и вправду смоет.

Не успел он это произнести, как от качки Валентина Алексеевна заскользила ногами по палубе и чудом не перевали-

лась через борт. Володя подскочил, поймал её за руку и помог вернуться к двери.

– Однако, – вмешался Чурдомыжский, – я был прав. Что-то определённо не так! То, что мы видим, в реальности существовать не может.

– Реальность – понятие нечёткое, – сказал Анатолий Сигизмундович. – Вот, к примеру, Платон в своём диалоге «Парменид» описал довольно сложное взаимодействие между собой абстрактных идей. Он считал, что идеи существуют сами по себе, и мир строится из них, основываясь на таком взаимодействии.

– Анатолий Сигизмундович! – воскликнула Валентина Алексеевна. – Мы попали в ад! А вы рассказываете что-то такое заумное, чего я даже не пытаюсь понимать. Как же можно?

– Чего же тут непонятного? – удивился Анатолий Сигизмундович. – Мы с вами являемся свидетелями воплощения наших совместных идей. Мы, несмотря на все сложности, смогли-таки представить себя в мире, нами же придуманном, причём настолько в это поверили, что мир в определённое мгновение выстроился из наших идей.

– Ничего не понимаю! – не унималась Валентина Алексеевна. – Идеи – это в голове. При чём тут эта мокрая погода, шаткий пол и противные молнии?

– Нет, Валентина Алексеевна, – возразил Анатолий Сигизмундович. – Идеи существуют не в голове. Ну, или, если

вам так проще, представьте, что все мы внутри одной большой головы. И мы заставляем её думать то или другое.

– Простите, Анатолий Сигизмундович, – не согласился Володя, – но это антинаучно. Есть же, в конце концов, закон сохранения материи. Или энергии? Ну, определённно же есть какие-то законы.

– Так точно, – подтвердил полковник. – А также уставы и предписания. Не положено так, чтобы раз – и дом в середине моря. Непорядок!

– Володя, – ответил Анатолий Сигизмундович, – те законы, о которых вы упоминаете, выведены из нашего с вами ограниченного опыта. Кто вам сказал, что они должны действовать за его пределами? В момент, когда вы описывали, что у вас там рожали глаза, вы же не думали о законе сохранения энергии? Вот и получили то, что есть.

– Однако, место неприятное, – заметил Чурдомыжский. – Сыро, гнусно. Да и воняет – только не пойму, чем.

– Ну, как же... – Анатолий Сигизмундович усмехнулся. – Это воплощение фантазии господина Хорошева. Видите, чем стены облицованы?

Борта судна и фасад особняка были выложены тёмно-коричневыми бесформенными плитками, состав которых угадывался легко и недвусмысленно.

– Фу! – сказал Чурдомыжский, отдёргивая руку от дверного косяка. – Какая, однако, мерзость!

– Ну, уж и мерзость! – возмутился Хорошев. – Да мои

фекальные плиточки здесь самая реальная вещь! Море про-
рисовано кое-как, корабль убогий и вообще существовать
в природе не может, а мы все, господа, просто какие-то
посредственности, которые считают себя писателями. Я уж
молчу про господина полковника. Никто его имени не зна-
ет, никто не в курсе, в каких войсках он служил, да и форма
на нём неизвестно какой страны и какой эпохи. Вы сами-то
знаете своё имя, господин полковник?

– Да как вы смеете! – полковник замахал намокшими уса-
ми и зашевелил бровями. – Такая тыловая крыса, как вы,
ещё смеет сомневаться в моих боевых заслугах! Да я непри-
ятеля чую за двести вёрст... Ко мне ещё никто – слышите,
никто! – не смог подобраться.

– Другими словами, ни в одном бою вы не участвовали, –
подметил Хорошев. – Так я и знал! А вот вы, Елена, всё вре-
мя твердите о высших силах, а на самом деле, небось, ни ра-
зу за всю жизнь не встречали ничего сверхъестественного.

– Само собой, – согласилась Елена. – Если я что-то встре-
чу, то оно перестанет быть сверхъестественным.

– И вы, карикатурный господин в шёлковой рубашке... –
продолжил Хорошев. – Да что там, от всех нас разит сильнее,
чем от этих плиток...

– Что? – изумился Чурдомыжский. – Как кому-то могут
не нравиться шёлковые рубашки?

– Прекратите всех третировать, в конце концов! – при-
крикнула на Хорошева Валентина Алексеевна. – Анатолий

Сигизмундович! Мне нельзя волноваться. Вы говорите, что мы внутри чьей-то головы. Чья это голова? Пусть он остановит это безобразие!

– Можете считать, что это ваша голова, – пожал плечами Анатолий Сигизмундович. – Не вижу особой разницы.

– Моя? – перепугалась Валентина Алексеевна. – Ни в каком случае! Я не могу выносить такую ответственность! Заберите меня отсюда! Мы все умрём!

Корабль заскрипел. Нос его стал опускаться всё ниже, а доски палубы напряглись и принялись выгибаться вверх упругим горбом.

– Ой, мамочки! – завопила Валентина Алексеевна, вцепившись наманикюренными ногтями в запястье Володи. – Давайте прыгать!

– Что вы так волнуетесь? – не понимал Анатолий Сигизмундович. – Ведь только от нашей с вами фантазии зависит, что будет происходить дальше.

– Я не хочу, чтобы что-то происходило! – крикнула Валентина Алексеевна. – У меня слабые нервы.

– А мне больно... – простонал Володя, пытаясь освободить запястье.

– Действительно, Анатолий Сигизмундович, – заговорил Чурдомыжский. – Это мероприятие рушит все мои планы на вечер. У меня, в конце концов, встреча с другом...

– Я бы не хотела состязаться с высшими силами в таких условиях, – подтвердила Елена. – На то они и высшие, чтобы

нас одолеть.

Одна из досок палубы хрустнула и разломилась пополам. В воздух разлетелись мелкие острые щепки.

– Хорошо, – согласился Анатолий Сигизмундович. – Если таково общее мнение, давайте вернёмся в дом и закончим рассказ.

Все последовали за ним в гостиную. Пол раскачивался в такт волнам, а стол всё норовил уползти в сторону, но в остальном внутри всё оставалось таким же, как и прежде. Регина Анатольевна, как оказалось, не покидала своего места, ожидая всех с блокнотом в руках.

Анатолий Сигизмундович опустил в кресло и, подождав, пока все усядутся, заговорил:

– На чём мы там остановились? А, да. «Поезд долго мчался мимо густого леса, пугающего меня своими мрачными тенями, но постепенно деревья стали редеть, и я понял, что мы приближаемся к городу». Валентина Алексеевна, продолжайте.

– Как же можно! – всплеснула руками Валентина Алексеевна. – После этакого волнения... Да-да, я сейчас успокоюсь. Сейчас...

Она вцепилась руками в свои серёжки и, закусив губу, возобновила мыслительный процесс, что снова легко было наблюдать по активно шевелящемуся носу.

– А! – сказала она. – О! Придумала! «Поезд прибыл».

– Кхм, – сказал Володя. – Мне кажется, вы повторяетесь,

Валентина Алексеевна.

– Имею право, – возразила Валентина Алексеевна. – Сама придумала, у себя и своровала.

– Действительно, Володя, вы чересчур строги, – мягко пожурил его Анатолий Сигизмундович. – Не придирайтесь.

Помещение качнулось в последний раз и замерло. Чурдомыжский вытянул шею, жеманно щёлкнул пальцами и произнёс:

– «Платформа встретила меня радушно: люди приветливо улыбались и расступались, а порой мне казалось, что они вот-вот начнут рукоплескать».

– Замечательно! – похвалил Анатолий Сигизмундович. – Господин Хорошев, прошу вас. Очень рад видеть вас бодрствующим.

– Взаимно, – кивнул Хорошев. – «В горле у меня пересохло, так что я поспешил направиться домой, где меня ждали ужин и первосортная выпивка».

– Кхм, – сказал Володя.

– Что не так? – встрепнулся Хорошев, и по его лицу было видно, что он готов отразить любую атаку.

– Всё нормально, – ответил Володя. – Почему же я не могу просто так сказать «Кхм»? Кхм... «Мой старый дом стоял на старом месте, несколько не состарившись за время моего отсутствия...» Кхм... Что-то всё-таки не так.

– Что именно? – Анатолий Сигизмундович приподнял бровь.

– Ну, я предполагал, что мы выехали из дома и куда-то ехали, – ответил Володя. – А тут выходит, что домой приехали. Нестыковочка.

– Ну, – Анатолий Сигизмундович развёл руками, – лично я тут ничего страшного не вижу. Во-первых, явно не было сказано, откуда и куда мы едем, а во-вторых, Земля-то круглая.

– Да что вы! – воскликнула Валентина Алексеевна. – Как блин, что ли?

– Кхм, – сказал Володя. – Скорее, как голова.

– Чья голова? – не поняла Валентина Алексеевна. Никто не нашёл нужным ей отвечать.

– Теперь я? – уточнила Елена. – «Стоя возле двери своей квартиры, я сняла охранное заклятие и теперь была совершенно уверена, что дома всё так же, как и было раньше – чисто, спокойно и уютно».

– Господин полковник? – склонил голову Анатолий Сигизмундович.

Полковник крепче сжал рукоятку трости и продолжил:

– «Согласно распорядку, самое время было ложиться спать, выкинув из головы весь ненужный гражданский мусор, который попал в неё в продолжение дня».

– Хорошо, – сказал Анатолий Сигизмундович. – Тогда уж я и закончу. «После путешествия я заснул очень быстро и спал крепким, беспробудным сном, чтобы наутро не помнить уже ничего из тех волнений, что достались мне за сего-

дня».

– Хороший конец, – похвалил Володя. – Позвольте вам сказать, Анатолий Сигизмундович – всё-таки вы настоящий мастер слова, не чета нам.

– Благодарю, – сказал Анатолий Сигизмундович.

Со стороны Хорошева раздалась громкая рок-н-рольная мелодия. Он достал из кармана пиджака трезвонящий мобильник, снял трубку и ответил:

– Аллё. Да, я. Ну, само собой. Вискарика по дороге захвачу и к вам. Замётано.

Он убрал аппарат и, заметно оживившись, оглядел всех.

– Сергей Александрович! – заметила Валентина Алексеевна. – Между прочим, у нас договорённость выключать телефоны во время заседаний клуба.

– Так ведь мы вроде бы уже закончили, – шмыгнул носом Хорошев. – Правильно я понимаю? Тогда всем до свидания. Меня ждут.

Он встал, оправил пиджак и направился к выходу.

– Да, кстати, – спохватился Чурдомыжский, вскакивая с кресла. – Мне тоже уже пора идти. Разрешите откланяться.

Он со сладкой улыбкой отвесил всем демонстративный поклон и взглянул на часы. Затем перевёл взгляд на настенные.

– Простите, – он наморщил лоб. – А сколько сейчас времени? Все часы показывают бог весть что.

– Ну, вы спросили, – отозвалась Валентина Алексеевна. –

Я толком не помню даже, какой у нас год на дворе.

– Ну, как же! – воскликнул полковник. – Тяжёлые времена для России.

– Валентина Алексеевна, – заметил Анатолий Сигизмундович. – У вас на ухе кровь.

Валентина Алексеевна схватилась за мочки ушей.

– Ой! – сказала она. – А где же серёжка?

Она полезла под стол и принялась там шарить – судя по звукам, несколько раз ударившись головой.

– Леночка, – сказал Анатолий Сигизмундович. – Время позднее. Вас есть, кому проводить?

– Не волнуйтесь, – ответила Елена, подкрашивая губы ярко-чёрной помадой. – За мной заедут. У меня сегодня ещё одно собрание, по мистической части. Всем пока и до встречи через две недели.

Она захлопнула сумочку и направилась к двери, цокая каблуками длиннющих блестящих сапог и поигрывая бёдрами, затянутыми в кожаные штаны.

Володя встал из-за стола и робко подошёл к Регине Анатольевне, которая как раз просматривала свои записи.

– Кхм, – сказал он. – Как вам кажется, у нас сегодня хорошо получилось?

– Мне трудно судить, – деликатно ответила Регина Анатольевна.

– Понятно, – кивнул сокрушённо Володя. – Я что-то даже вспомнить не могу, о чём мы, собственно, писали...

– Как всегда, – заметила Регина Анатольевна.

– Ну неужели мы, семь интеллигентных неглупых людей... – пробормотал он, и глаза его заблестели.

Володя махнул рукой и, резко развернувшись, быстро зашагал к выходу.

– Пора и на боковую, – сказал полковник, одевая форменную фуражку. – Военскую честь – её знать надо.

– До свидания, – сказал Анатолий Сигизмундович.

– Фу! Нашла, – Валентина Алексеевна вылезла из-под стола, отряхнула колготки и попыталась закрепить серёжку на месте, но это у неё не получилось.

– Эх! – сказала она сокрушённо. – Мочку опять зашивать. Ну, всё равно же мне теперь по докторам... Заодно уж. Э... Полковник! А вы не на броневике сегодня?

– Так точно, – ответил полковник. – Подброшу.

– Всего хорошего, – сказала Валентина Алексеевна Анатолию Сигизмундовичу. – Э... А я не в шубе была? Хотя нет, лето же... Что-то всё у меня в голове перепуталось... К врачу, к врачу...

И они с полковником, так же, как и остальные, исчезли в сумрачном коридоре.

Наступила тишина. Регина Анатольевна все ещё сидела за столом, листая блокнотик.

– Региночка, – заговорил Анатолий Сигизмундович, подсаживаясь на подлокотник её кресла. – Мне неловко тебя об этом просить...

– Что, папа? – Регина подняла на него серые, умные глаза.

– Я всегда чувствую себя таким опустошённым после наших заседаний... Этот дом – большой, холодный, каменный... Он словно пустой череп, в котором живём только я и сквозняк...

– Ты хочешь, чтобы я переночевала здесь? – спросила Регина.

Лицо старика стало жалким и жалобным. Морщины, едва заметные до этого, сделались глубокими и превратились в горы и овраги, подобные тем, которые время оставляет на поверхности Земли.

– Да, – сказал он. – Если, конечно, у тебя нет других планов... Я не хочу мешать твоей жизни. Просто пойми старика. Я так жутко чувствую себя один...

– Планов нет, – улыбнулась Регина. – Всё в порядке, переночую. А как же Ефим?

– Что за Ефим? – не понял Анатолий Сигизмундович. Регина наморщила лоб.

– Не знаю... Почему-то пришло в голову имя...

– Помнится, Артур Шопенгауэр писал... – начал Анатолий Сигизмундович, но Регина засмеялась и положила свою ладонь на его руку:

– Папа, не надо. Мне-то не надо ничего объяснять и доказывать. Я и так знаю, что ты очень умный. Где мне лечь спать? Я уже устала.

– Здесь, внизу, полно свободных комнат, – сказал Анато-

лий Сигизмундович. – Выбирай любую. Я просто буду знать, что ты здесь.

– Хорошо, папа.

Регина поцеловала его в щёку и направилась в сторону коридора.

Анатолий Сигизмундович встал, заложил руки за спину и стоял неподвижно пару минут. Затем подошёл к выключателю, погасил свет и приблизился к окну.

Там, за окном, царил полная темнота. Не было видно ничего – ни тени, ни отблеска. Впрочем, если сильно напрячься, то можно было представить в небе звезду. И она бы загорелась. И стало бы чуть светлее.

Анатолий Сигизмундович покачал головой, вздохнул и плотно задёрнул шторы.

2014, Мытищи.

Сосны

«Я толстею, – думала Лена, лёжа в постели и глядя в потолок. – Трудно оставаться в форме, когда вокруг на триста километров – ни души. Плюс три килограмма за два года. Не так уж и много, но со временем будет всё хуже и хуже».

Часы на тумбочке показывали одиннадцать часов одиннадцать минут, но вставать не хотелось. Не было стимула. Разве что желание выпить таблетку, чтобы прекратилась эта непрекращающаяся, пульсирующая головная боль.

Лена спустила ноги с кровати, нащупала тапочки. Встала и доковыляла до аптечки, которая представляла собой высокий шкаф со стеклянной дверцей, доверху забитый лекарствами. Нашарила спазмалгон и поплелась на кухню.

Кофеварка почуяла её присутствие и, повинувшись заложенной программе, пустила на стол струю шипящего напитка.

– Блин! – вскрикнула Лена, отпрыгивая. – Вот дура!

Последнее можно было отнести как к кофеварке, так и к самой Лене, которая забыла с вечера поставить на место стеклянную чашу. Она вытерла, как могла, лужу, потом потыкала кнопки, чтобы сварить кофе ещё. Наконец налила себе чашку и села за стол. Лена выдавила из блистера таблетку, отправила в рот. Попыталась запить, но кофе оказался слишком горячим.

– Да что же это такое? – пробормотала она, закусив обожжённую губу.

«Должно быть, меня сводит с ума шум из подвала, – подумала Лена. – Или это противное, долгое, тягучее одиночество».

Взгляд уткнулся в стену, где прямо на розовой штукатурке были неровно нарисованы цифры – семь, шесть и ноль. Лена встала, вытерла ноль рукавом и, взяв лежащий рядом кусок угля, написала единицу. Семьсот шестьдесят один день – это слишком много. Особенно здесь.

Она взяла чашку, вышла на крыльцо, вдохнула воздух. Спустилась по деревянным ступеням, поросшим мхом, в сад. Преимущество жизни в одиночестве – можно не думать о нарядах, а весь день проводить в грязной затасканной пижаме.

Лена запрокинула голову, глядя в небо. Их крохотный участок со всех сторон окружали сосны. Лохматые верхушки далеко в вышине качались от ветра. Это успокаивало. Лена подошла к краю участка. Одна из сосен росла внутри забора, пробравшись на их территорию когда-то очень давно в виде шишки. Лена мысленно звала сосну «Боб», поскольку могучий ствол казался воплощением мужского начала.

– Привет, – сказала она, приложив ладонь к шершавой коре.

– Привет, – ответил Боб.

– Ну, как твои дела? – спросила Лена.

– Отлично, – сказал Боб. – Погода просто превосходная.

– А у меня не очень, – Лена прислонилась к стволу спиной и закрыла глаза.

– Я почувствовал, – сказал Боб. – По запаху. От тебя пахнет слезами и депрессией.

– Скажи, – сказала Лена, – в чём смысл жизни? Зачем ты живёшь?

– Всё очень просто, – сказал Боб. – Мне нужно подставлять листочки солнцу и расти, пока это возможно. А живу я потому, что мне это нравится. Я получаю удовольствие от каждого мгновения.

– Ты всего лишь дерево, – сказала Лена. – Всё молчишь и молчишь. Зачем я с тобой разговариваю? Совсем с ума сошла.

Он вытерла наворачнувшиеся слёзы и зашагала к дому.

– Жалко, что ты меня не слышишь, – сказал Боб.

Лена вошла в гостиную и села напротив экрана. Сеанс должен был начаться через пару минут. Она могла хотя бы причесаться, но ей было наплевать.

Монитор включился, побежала рябь. Потом сквозь цифровые шумы пробилось изображение. Володя в скафандре без шлема, небритый, сидел по ту сторону экрана, словно бы совсем близко, но на самом деле их разделяло несколько парсек. И хотя световой барьер уже давно научились преодолевать, Лена знала, что её муж вернётся не меньше чем через год.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.